

Виктор Близнец

ЗЕМЛЯ СВЕТЛЯЧКОВ

«Земля светлячков»: Веселка; Киев; 1979
ISBN 966-01-0119-8

Аннотация

Напряжённый динамичный сюжет приключенческой сказки «Земля светлячков» погрузит вас в омут таинственных, а иногда даже жутких происшествий, загадочных хитросплетений и превращений, охватит чистой и нежной любовью к свету добра. Она удержит в напряжении самого непоседливого читателя и заставит его «проглотить» написанное до последней странички. Все мы родом из своего детства. Все мы, будь то в городе или в селе, откроем для себя непостижимо-таинственный свет.

Виктор Близнец Земля светлячков

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Для младшего школьного возраста

Раскрой эту книжку, юный читатель, и ты уже не сможешь от неё оторваться, ведь тебя захватит и поведёт за собой затейливая и безудержная авторская фантазия. Ты неожиданно очутишься в самой гуще невероятных приключений, которые произошли со славными лесными человечками — стоусами и триусами и их заклятыми врагами — пещерными прибудами во главе с ужасным Магавой Первым. Куда только не закинет тебя капризная читательская судьба! Убегать вместе с Чубликом и Сизом XII от мохнатых разбойников Страшилы и Здоровилы, помогать бесстрашной Мармусии разыскивать её любимого брата, вызволять Сиза и Лапоню из жуткого подземелья, будешь пытаться отвести от Чублика страшную опасность... С сожалением перевернёшь ты последнюю страницу этой удивительной повести-сказки. Но мы уверены, тебе ещё не раз захочется к ней вернуться. Когда-нибудь потом, в твоей взрослой жизни. Вернуться так, как возвращаются ко всему прекрасному, неповторимому и щемящему, что оставляет в далёком детстве каждый человек.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сиз XXII, из рода Стоусов, открывает двери своего знаменитого музея и приглашает вас в гости

Как только за лесом садилось солнце, откуда-то издалека доносился густой, словно разлитый в самом воздухе, раскатистый вечерний звон:

Бом!

Бо-о-м!

Бом!

Это сторож в лесу оповещал, что день закончился и что всем лесным стоусам и триусам пора просыпаться.

Солнце садилось за гору, постепенно гасло в далёких водах. Склонялась темнота к окнам, и тогда в спальню Сиза XII, Стоуса, влетала кукушка. Тихо, не пошевелив крылом, она облетала его постель и садилась на высокий комод. Там чистила клюв и с великим обожанием любовалась на своего хозяина.

Как все лесные стоусы и триусы, Сиз XII был непревзойдённым, крупнейшим в мире коллекционером. Что он собирал и чем ужасно гордился, мы пока что оставим в тайне и пригласим вас в спальню. Вся комната Сиза завалена и забросана книгами. На полу, на креслах, на шкафу, даже на тёплом одеяле, под которым спит сейчас Сиз XII, везде лежат книги. Некоторые из них такие объёмистые, в таких толстых кожаных переплётках, что никому в одиночку не под силу поднять такой фолиант.

Надо сказать, что, кроме книг, Сиз XII имел ещё одну слабость — любил поспать. Он брал в постель книгу, зажигал над головой фонарик и углублялся в древние писания. Но его книги были такой толщины и такой непостижимой мудрости, что он быстро уставал. И дальше читал книгу одним глазом. Один глаз его читал, другой спал. А потом левый и правый снова менялись вахтой. До тех пор, пока веки его тихо не смыкались и Сиз XII не проваливался в сладкий сон.

Со всеми своими родственниками, то есть с добрым десятком тёток, дядек, племянников, внуков, Сиз XII принадлежал к мирному лесному народу, а лесной народ, как вы знаете, днём — от восхода до заката солнца — спит, а ночью выходит на работу. Сиз XII тоже, с утра до вечера отсыпался, а вечером, когда звучал над лесом раскатистый звон пробуждения, вставал и шёл открывать свой музей. Однако и в музее, за книгой, он мог вздремнуть краешком глаза, хотя по древним лесным законам это был большой грех. Но наш многоуважаемый Сиз Стоус потихоньку грешил (всё-таки, годы брали своё), и, когда в музее не было посетителей, из любого зала можно было услышать, как он тихонько похрапывает.

Про это знала только его добрая сестра Мармусия (пусть долго ей служат ноги! Девяносто семь лет ей, но она ещё при здоровье). Неутомимая Мармусия приносила ему берёзового кваса, зажигала трубку и укладывала брата на маленький кожаный диванчик. Перед сном не забывала подложить ему мягкую подушечку под щеку, а ещё одну, побольше, — под ноги. И чтобы никто из лесных триусов и стоусов не застал её брата за таким неподобающим занятием (ведь это же позор — спать ночью), Мармусия вешала на дверях табличку:

«СКОРО БУДУ.

**ПОШЁЛ В ЛЕСНУЮ АКАДЕМИЮ.
СИЗ XII»**

Но повторю: это случалось с нашим Сизом только в минуты скуки и затишья, когда в музее не было ни одного посетителя и лежала перед ним на столике очень толстая и очень учёная книга. Ну, а если на сходах стучали шаги и кто-то из гостей наведывался к нему в галерею... О, вы сами увидите, как оживал тогда наш мудрый Сиз и что с ним делалось в такие счастливые минуты!

«Бом! Бом!» — звучал над лесом пробуждающий звон.

Кукушка уже почистила клюв и с великим восхищением смотрела на сонного Сиза: из-под теплого одеяла выглядывали его коротенькие толстые ноги и так блестели красными пятками, что казалось, будто это лежали и от удовольствия даже похрюкивали на подушке двое чистеньких поросят. А ещё шевелились, развевались его пышные белые усы.

— Ку-ку, ку-ку! — ровно двенадцать раз прокуковала кукушка.

Потом она сказала:

— О великий Сиз Двенадцатый! Открой свои мудрые очи! Уже прошёл день и наступила ночь. Просыпайся!

Сиз XII встал и, не открывая заспанных глаз, нащупал трубку. Вот так, сощурившись и ещё совсем сонный, он вышел на улицу. Выбил трубку об пень, всыпал наощупь табака, поднёс уголёк. И только после первой затяжки наконец проснулся. Выдохнул из себя — вместе с облачком дыма — оставшийся сон. И тогда сказал: «Кхе, кхе! Добрый табак, чтоб его! Пробирает до костей!.. Ну что ж, за службу, брат Сиз! Уже ночь!»

Первое, что Сиз делал всегда, то это подходил к крыльцу и сильно дул. Он дул на ветрячок, который стоял, замерев, на крыше и ждал своего хозяина. От дуновения ветрячок оживал, быстро-быстро вертел крыльями и с фурчанием заводил свою бесконечную весёлую песню.

Оживал ветрячок, и все знали, что в стране Длинных озёр началась хлопотливая, неутомимая лесная жизнь. Что профессор Варсава, наимудрейший среди стоусов и триусов, тот, который и на учёные советы приходил босой, зато носил аж три пары очков, именно сейчас изучает сложные и до невозможности запутанные траектории полёта парашютиков одуванчика. Что брат Хвороща поливает на грядках несравненные, нигде в мире не виденные дыни, не просто дыни, а дыньорехи и дынетыквы. Что коренастый Вертутий с той стороны озера запускает в дворе сотни, а может, и тысячи водяных и песчаных мельниц.

Одним словом, что ночь вступила в свои полные лесные права. И скоро стоусы и триусы пойдут толпами в лес, где будут собирать грибы, а старые деды-землекопы придут к Верхнему озеру, почистят заилёные родники, вызовут из-под земли чистую студёную воду, а затем кликнут молодых отроков и девчат и вместе с ними под звуки музыки посадят над чистым озером вербы и ели, чтобы везде было зелено и чтобы везде пели весной малиновки и кукушки.

Но, пока мы говорили, Сиз XII погасил свою трубку и подошёл к воротам. Только он подошёл, как сразу вспыхнуло несметное множество фонариков, целая гирлянда маленьких огоньков на его лестницах. Эти длинные деревянные лестницы с огнями вели далеко-далеко вниз, до самого озера, где стоял лёгкий чёлн и где любил посидеть с удочкой Сиз XII.

От множества фонариков сразу стало светлее во дворе, и мы теперь можем лучше разглядеть домик Сиза.

Это очень причудливая и симпатичная постройка.

Когда-то давно, в очень далёкие времена, стоял над берегом могучий клён. Его спилили, и вот остался от него высокий, широченный, обхватом на восемь, пень. Пень немного потемнел, однако был ещё крепкий, имел сверху, там, где его спилили, ровную, как стол, поверхность, а по бокам — могучие опоры-корневища, что углублялись в землю. Между двумя опорами кто-то прорубил двери. А над этими дверями Сиз Стоус повесил два фонарика, а ещё выше — мельничку, которую подарил ему лучший друг Вертутий.

Уже позднее крепкие сосновые двери дома были окованы железом, а ещё немного погодя Сиз XII повесил на дверях табличку. По красной меди на табличке было выгравировано старинными буквами:

***ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ
МУЗЕЙ СВЕТЛЯЧКОВ
ДОКТОРА ГРИБОВЕДЕНИЯ
И ЛИЧИНКОВЕДЕНИЯ
СИЗА XII СТОУСА.
ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ!
ОТКРЫТО ТОЛЬКО НОЧЬЮ!
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!***

Сиз подошёл поближе, подышал на медь и рукавом натёр табличку. Она даже засияла горячим красным блеском.

Отворил двери, сказал кому-то в тёмные просторы леса: «Заходите!» И как раз вовремя сказал. От Нижнего озера длинными деревянными лестницами, над которыми синим и белым горели маленькие коробочки-фонарики, поднимались к нему двое стоусов: лучший друг Вертутий и его двенадцатилетний внук Чублик.

Сиз заметил, что рыжий коренастый Вертутий несёт под мышкой какой-то немалый свёрток. Наверняка это новая мельничка! У нашего Сиза от радости запрыгало сердце. Он ужасно любил подарки, он радовался, как дитя, не знал, куда их положить и где поставить. И потому он шире растворил двери музея и закричал...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сиз XII ведёт гостей в подземелья и показывает свои драгоценнейшие сокровища. «Косы русалок» и «Рыба-мешкорот»

Сиз закричал сестре:

— Дорогая Мармусия! Прошу вас, открывайте все залы и галереи, мы встречаем самых дорогих гостей!

Сиз и Вертутий радостно обнялись, по-лесному трижды расцеловались. (Тем временем Сиз не забыл свободной рукой легонько потрепать и погладить белоголового Чублика, которого давно не видел, и, поглаживая усы, пригласить гостей в дом.)

Ну, показывай, показывай, Сиз, что у тебя нового! — загудел растроганно Вертутий, имея от природы очень громкий голос. — Я же ведь всё видел, а внук мой не бывал у тебя, не бывал, вот я и привёл его, пусть посмотрит, кхе-хе, кхам!

Вертутий похвалился ещё тем, что внук его — очень умный паренёк! — учится в Лунарии, в знаменитой школе профессора Варсавы. Там они, лесные отроки, теперь их называют лунаристами, при свете луны ловят с профессором травяные парашютики. А ещё вчера, значит, внук сам приплыл к нему челном на каникулы. Кхе-хе, кхам!

Как видите, Вертутий не забывал свои слова приправлять мягким громоподобным покашливанием.

Так за разговорами они вступили в тихое, гулкое, исполненное таинственного молчания царство музея. И полутёмной лестницей с единственным фонариком на стене начали спускаться вниз, в подземные галереи. Далеко друг от друга, в узких коридорах, тускло горели маленькие светильники, выхватывая из темноты неясные очертания глубоких катакомб, влажных стен и сводов. Тут царили такие нерушимые сумрак и тишина, что ваше сердце невольно замирало, сжималось и к чему-то прислушивалось.

Чублик, а он был лунарист первого класса, лучший ученик профессора Варсавы, только сначала, да и то недолго, держался солидно. Он много слышал и знал от деда про Сизов музей. Но эти глубокие коридоры, эти влажные блестящие стены и потолки...

Прыткий и до всего любопытный, Чублик задрал голову и уже, не скрывая интереса, озирался вокруг. Дальше ему стало ещё страшнее и любопытнее. Он и не заметил, как подтянул живот и начал осторожно переставлять ноги.

— Вот, вот, уважаемые гости! Заходите, прошу! Спасибо, Мармусия! Дальше, дальше, открывайте все залы! — выкрикнул Сиз и сделал рукой широкий радушный жест, пропуская вперёд себя Чублика. — Первый зал! Это, так сказать, только цветочки, а ягодки будут потом!

Чублик взглянул вверх и заметил на дверях подсвеченную изнутри надпись:

**ПЕРВЫЙ ЗАЛ
ЗЕМЛЯНЫЕ СВЕТЛЯЧКИ-ГНИЛУШКИ,
ТРУТОВИКИ, ГРИБЫ,
ЛИЧИНКИ И ПРОЧИЕ ЧУДЕСА.**

**РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ — ОБОЖЖЁШЬСЯ!
(ХЕ-ХЕ, ШУЧУ, НЕ БОЙТЕСЬ! СИЗ XII).**

Чублик ступил на порог.

И замер, широко открыв глаза. И, забыв про свою солидность, вымолвил:

— Мамочки! Что ж это такое? Вот так-так, просто вон как!

Сияние...

Из глубины зала лилось какое-то мохнатое, какое-то подсинённое, зеленоватое сияние! Оно было мягкое, мягче глубинного свечения воды, мягче блеска росы в безлунную ночь. Оно было молочное, фосфорическое, оно лилось на голову, на руки, на стены, оно пронизывало Чублика насквозь!

— Гляди! Сквозь меня течёт! — проговорил Чублик и крепче взял деда за руку. А Вертутий тихо покашливал и через голову внука кивал хозяину Сизу: «Смотрите, дорогой сосед! Ожил, загорелся мой отрок!»

А что вам сказать про Сиза! Где его серьёзность? Где его учёная солидность? Где его трубка, которую он не вынимал изо рта? Трубку он заткнул за пояс, усы распустил белым веером и теперь аж пританцовывал около Чублика. То был мёд, бальзам для его сердца, величайшая радость для глаз, когда кто-то увлекался его светлячками.

— Вот, вот, проходите, дорогой Чублик! Сюда, ближе! Гляньте, мой дорогой журавлик!

И Сиз, не давая мальчику опомниться, быстро потянул его за руку к коллекции. И тут Чублик понял, что сияние лилось не из стен, как ему казалось, а из стеклянных шкафов, с полочек, из ящиков, где что-то лежало. А там, под стеклом! Знаете, что там лежало? Обыкновенные куски дерева, коры, трухлявых корневищ, пеньков, старых трутовиков-наростов, деревянных гнилушек. Всё это давно истлело, затрухлявилось, поросло мхом и грибами, рассыпалось в жёлтый или на красно-зелёный порошок. Но (и в этом чудо!) из влажных, из гнилых пеньков и корешков как раз и лилось, текло, фосфоресцировало это фантастическое свечение!

— А это что? Что это шевелится? Что это ползает? И светит, светит синенько, червячком! — смеялся Чублик и даже сунул нос в один из ящиков.

— Ага! Ага, клюнуло, повело, — торжествовал Сиз. Он радовался не меньше за Чублика. — То, мой дорогой, обычные личинки. То есть не обычные, а личинки различных светляков... Я же говорил вам, я говорил вам, дорогой Вертутий, — насел вдруг Сиз на соседа, — я просил вас: дайте мне вашего внука в обучение! Мы бы тут ого-го! Мы бы тут с ним такое сотворили! А вы? К старому Варсаве, к этому отшельнику, отправили! Ну хорошо, это ваше дело, пускай себе ловят парашютики, — словно примирительно, но с горькой обидой в голосе закончил Сиз и повернулся спиной к Вертутию, а лицом к Чублику. — Смотри, журавлик! Ты думаешь, почему этот берёзовый пенёк светится? Думаешь, само дерево светит? Э, брат, нет! Приглядишься: древесина вся пронизана грибницей. И это грибница горит, пылает, светит — и как она светит? Видишь, холодно-белым огнём. Белым огнём, да ещё и с глубоким, голубым отливом. Э-э, брат! Я тебе ещё не такое покажу! Пойдём скорее во второй зал, к жукам!

Чублик и глазом не успел моргнуть, как его потащили дальше. Снова какие-то двери, и тут уже сам Сиз остановился на пороге и воинственно подкрутил усы. Он знал, что кто бы не глянул туда, в темноту, то воскликнет: «Ох ты ж, мамочки!»

— Мамочки ж мои! — тихо промолвил Чублик.

Если в первом зале стояло густое, мохнатое сияние, если оно ровно и спокойно лилось из стен, то тут!.. Что-то необыкновенное, волшебное: было страшно и темно, как в глубокой пещере, и в этой густой мгле блуждало множество маленьких огоньков-фонариков. Нет,

огоньки не блуждали, они порхали, летали, выписывали круги и сложные пируэты. Темнота светилась синим и лиловым от этих огоньков, от мириадов звёздочек, от угольков, что вспыхивали и гасли. А потом снова вспыхивали и гасли. И снова гасли и снова вспыхивали.

— Ну как? Ну как тебе, Чублик? — выкрикнул над ухом Сиз.

— Ух ты! Это жуки-светлячки? Это они сверкают?!

— Да, да! — подпрыгивал и горячо дышал ему в затылок Сиз. — Это они, жуки-светлячки! Лампирисы, как их называют на латыни. Но послушай: светят, дорогой мой коллега, не все жуки. Светят самочки, а иногда и самцы. У них на брюшке есть такие светящиеся поясочки, такие полоски, вот они и посылают сигналы в темноту. А вот! Это твой знакомый, Чублик! Глянь, ты его видел в лесу.

Сиз вынул из кисета какой-то уголёк (это был дупляной светляк), посветил им над одним столиком. И взяв из мха, положил Чублику на ладонь какого-то ночного жука. Серого, очень простого и неприметного ползуна.

— Ну что, узнаёшь?

Чублик помялся, потом покашлял, как это делал дед Вертутий, и так дипломатично помотал головой: мол, я бы узнал, только оно что-то не очень узнаётся...

— Ты что! — аж вскрикнул над головой Сиз. — Да это же наш великий светляк, Лампирис-ночник, он везде под ногами есть в лесу! Слышал, в народе его называют Иванов червячок! Ай-ай-яй! Что ж это делается?! Куда смотрит ваш Варсава, что он вам там показывает, чем он головы вам забивает?.. Ну ничего, айда вперёд, всех жуков не осмотришь, их только тех, что светят, две тысячи видов. Две тысячи! И почти все у меня есть! За пять дней не осмотришь! А вот одного я вам покажу! Покажу одного, ведь это моя гордость. Смотри: жук-кузнечик Кокухо. Я его привёз с Амазонки, из тропического леса. Ну как он тебе, а? Порхает? Мирное созданище, правда? А если бы в джунглях ты его увидел, тёмной-тёмной ночью, да ещё ночная птица Куа над тобой прокричала?! А тут за криком из глубокой темноты синий огонь прямо на тебя летит: пых-пых! А? Как бы ты тогда себя чувствовал?

Наш серьёзный Чублик приоткрыл пухленькие губы и заулыбался. После того Иванова червячка, чтоб его, после позора Чублика немного отпустило, и он уже смелее спросил, показывая рукой в угол, в тёмный пещерный зал:

— А что это там? Такими огненными нитками, такими жгутами извивается? Словно огонь косами течёт над землёй?

— А-а! Это, брат, тоже редкость — дождевые червяки, привёз их из далёких краёв. Я их называю: «Косы русалок». А ещё у меня есть всякая мелочь: ногохвостки, рачки, многоножки. Светят, светят, маленькие бесенята! Только знаете, — вперёд, дальше, мои дорогие коллеги, ведь нас ещё ожидают новые залы — рыбы, медузы, кальмары. Там, скажу вам по секрету, кое-что есть!

Вот до этих слов («там кое-что есть!») дородный, на чудо спокойный и солидный Вертутий топтался весь час позади, что-то равнодушно рассматривал, а что-то и быстро пропускал, лишь бы только Сиз не видел, покашливал себе, поднимал глаза вверх и говорил протяжно и задумчиво своим трубным басом: «Кха-кхам!.. Гляди, и бывает же такое на свете!» Но вот послышалось Сизово очень красноречивое: «Там кое-что есть», — и степенный Вертутий вырвался первым, затоптал в коридоре, а дальше в какой-то галерее, где тоже было темно и где в глубине мягко горел голубой, приглушённый свет.

Чублик подался за дедом. В новой галерее он услышал: где-то, будто бы сверху, течёт вода. Она шумит и плещет так, как шумит и плещет горный ручей, сбегая по крутому камню.

Ага! Вот оно что! В пещерном зале стояли большие аквариумы. И не просто

аквариумы, а словно подводные гроты с маленькими скалами, с кораллами, которые разрослись и тянулись вверх, напоминая собой то пустынные кактусы, то диковинные звёздчатые бутоны цветов. И водоросли, водоросли развевались кругом, будто их овеял могучий ветер глубины.

Подводный мир! Морское дно, от него лилось мягкое искристое свечение.

Чублик присел. Он и не заметил, как рядом примостился и дед Вертутий. И тут выплыла к ним рыбина. Выплыла из-за грота и — о чудо! На кончике её длинного-длинного носа что-то светилось. Ну словно лампочка, свечка или маленький фонарик. Рыбина повела своим хитрым носом туда-сюда. И фонарик на её носу плавно затанцевал в воде, словно чему-то удивляясь. И вот!.. Из каменной пещерки-норы выглянула маленькая рыбёшка. Её, видно, заморозил, загипнотизировал этот огонёк, что так элегантно, под лебединые взмахи шёлковых водорослей плыл в медленном танце. Ах, этот проказливый огонёк! Простодушная рыбка подплыла совсем близко к нему. Она ткнулась носом (как Чублик в зелёное стекло аквариума) и стала присматриваться: что же это такое? Может, маленькая звёздочка, одна из тех, что светят ночью над широкими водами океанов? Может, она опустилась на морское дно?

А фонарик манил, манил к себе...

И тут — хап!

Длинноногая рыбина клацнула пастью и молниеносно, вмиг проглотила доверчивую рыбку.

И, словно ничего не случилось, снова засветила добрым, не скажешь, что злодейским, фонариком над притихшей пещерой.

— Вот так-так! Да она же её съела! — воскликнул Чублик, и в голосе его прозвенела такая детская, такая простодушная обида и удивление.

— Ха-ха, съела! — засмеялся Сиз и даже утёр тёплую растроганную слезу. — Съела, вражья душа, и не облизнулась! Поэтому она так и называется: рыба-удильщик. Видите, как ловко подманивает к себе, как зачаровывает добычу! Музыкой, светом, танцами. А вот, полюбуйтесь, ещё один типчик. Тс-с-с! Выплывает, выплывает из-за кораллов! Чудо, а не рыба! Мешкорот! Обращаю ваше высокое внимание: фонарик у него не на носу, а просто в пасти! Ну, а какой силы пасть, не нужно, думаю, говорить. Вы сами видите — корзина! Корзина да и только! Рыба сама так и плывёт, так и плывёт в эту пасть на свет...

— Да ну их! Они всю рыбу съедят! Не хочу! — Чублик тихо засопел, отвернулся, и в глазах его промелькнула лунная ночь, верхушки леса и крылатые парашютики с лип и клёнов, которые тихо спускаются на землю.

— Не съедят, не съедят! — громко возразил Сиз. — Наоборот! Их так мало в морях и океанах, просто единицы, наших бесценных рыб-светляков, что их надо тщательно беречь. Ну, если вам не понравились они, то вот вам мирная картинка — кальмары. Гляньте, сейчас я потревожу одного прутиком, и что он сделает.

Сиз пригнулся, даже намочил в воде свои седые усы, и осторожно, с таинственным видом полез прутиком под воду.

Прикусив язык, показал Чублику: сейчас! Сейчас мы его подразним!

Большой кальмар лежал на дне. Весь почти прозрачный, с небольшими щупальцами на голове. Видно, он любил поспать так же сладко, как Сиз над мудрыми книгами. Кальмар спал себе, закопавшись в песок, и был похож под водой на стеклянную зеленоватую трубку с усиками. Но только прутик повис над ним, как он, словно от электрического удара, взорвался, взметнулся всем телом и выбросил вверх густое светящееся облачко. Нет, Чублик ещё никогда не видел такого: в воде — облачко света, оно расплывалось, разворачивалось, переливаясь нежнейшими, тончайшими небесными красками и оттенками. И ещё одно: в это

облачко взметнулся и спрятался кальмар, свечение окутало, заслонило его и понесло куда-то прочь.

— А, ловко спрятался? Вот ведь, Чублик, вникай! Вникай и чаще заходи ко мне... А вот, прошу на минутку остановиться, его брат — знаменитый японский кальмар. Представьте: ночь, непроглядная темнота, и вот плывут усталые рыбаки и видят: где-то на дне, на неизвестной глубине, лежит большая тарелка. И светит. На сотни метров светит, сквозь ночь — таким ярким, таким пронзительно-голубым светом. Кальмар! Это кальмар испускает из своего тела сияние. Морская луна — так его называют рыбаки... Сюда, сюда, Чублик! Тут вам новое чудо: морские звёзды, голотурии, морские лилии, и все они горят, вспыхивают, перемигиваются живым подводным светом. Ах, надо быть поэтом, чтобы передать все эти цвета, все оттенки, всю силу и красоту свечения только её, морской голотурии! Но я, наверное, вас утомил? Правда, утомил? Прошу, пойдёмте за мной, вот сюда, в эту маленькую комнатку. Тут мы немного отдохнём.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сиз XII знакомит нас с родной сестрой Мармусией, спрашивает три чашечки кофе коро-хоро и высказывает несколько мудрых мыслей. Под конец он обменивается с Вертутием интересными подарками

Они прошли в боковую комнатку, которая походила на низкий подвальчик, и уселись в мягких креслах.

— Мармусия! — позвал Сиз. — Прошу вас, принесите нам кое-что из тех запасов, из светлячковых мальков и гибридов, которые мы показываем только лучшим гостям. А заодно приготовьте три чашечки кофе коро-хоро.

Вошла высокая, прямая, необычайно сухопарая стоусиха. Не сказать бы, что ей девяносто лет, ну разве что от силы семьдесят. Она была вся в чёрном, только белый воротничок облегал её тонкую шею. Да ещё белые серебристые волосы были гладко зачёсаны назад. Говорили, что в молодые годы она ездила в Юхландию, училась там в королевском колледже и, наверное, оттуда привезла некоторую холодность, горделивую осанку и нестоусовскую сдержанность в разговорах и жестах.

— Коро-хоро приготовьте, дорогая Мармусия, так, как я люблю: густенько, густенько и с жёлтой пеночкой! — напомнил ей Сиз.

— Вы хотите сказать, — холодно переспросила Мармусия, — чтобы я влила туда берёзового сока?

— Верно, верно, берёзового сока!

— И добавила каплю тернового молочка.

— Вот, вот, вот! Именно тернового молочка.

— И всыпала немножко тминных зёрен!

— Да-да-да! Именно немножко тминных зёрен!

— И приправила сверху тёртыми орехами?

— Правильно! Правильно, Мармусия! Именно так: когда кофе закипит и начнёт уже густеть, тогда сверху посыпьте, потрясите толчёных орехов, легонько посыпьте, чтобы они, знаете, пудрой, пудрой лежали на жёлтой пенке. Особенно на краях!

— Так вот! — выпрямила спину Мармусия и холодно глянула на Сиза. — Всё это я знаю сама. Знаю с шестнадцати лет, с королевского колледжа. И пора понять: не нужно подсказывать вашей сестре, которая всю жизнь готовит кофе коро-хоро и подавала его самому Чуй-Головану.

Мармусия поджала губы и вышла из комнаты. За ней повеяло холодом и неприступностью.

— Деда, — тихо шепнул Чублик. — А кто такой был Чуй-Голован?

— О-о! — встопорщил брови Вертутий. — Это был величайший на свете сорвиголова, отчаянный смельчак, спортсмен-тарзанник. Прыгал на тарзанке через пропасти. И что вытворял! Однажды, помню, осенью это было, кхе-кхам! Собралось полно лесного народа. И вот он летит на тарзанке, над головами, аж вихрь несётся за ним, и вдруг — хоп! — подхватил Мармусию на лету и через глубоченный каньон на руках перенёс. В воздухе! М-да-а, отлетелся, голубчик... Сломил себе голову. Мармусия (слышал, что она была его

наречённой) вот уже пятьдесят и ещё тридцать лет не снимает чёрного траурного платья...

Посидели немного молча, каждый углубившись в своё: кто вспоминал рыбу с хитрющим фонариком на носу, кто представлял себе, как сейчас толкутся орешки и сыплются в густой ароматный кофе. А кто просто сидел и философски приговаривал в потолок: «Кхе-кхам!.. Оно что же... Оно, конечно, если то, то оно, конечно, может-таки, и это...»

После долгой паузы Вертутий откашлялся и, всё ещё сладко и задумчиво глядя в потолок, спросил с присущей ему прямоотой:

— Сиз, давно я вас хотел спросить: вот для чего вы разводите светлячков? Ну вот вы ездите по свету (и новые калоши кажется загубили в болотах Берберии, и крокодил вам откусил половину плаща и съел шапку), а вы всё ездите, собираете всяких светлячков, выращиваете их в теплицах, а потом...

— Как?! — подпрыгнул Сиз, и его седая шевелюра гневно и грозно встопорщилась. — Как?! — повторил он. — Я вас не расслышал, Вертутий, или мне, может, показалось? Вы спросили: зачем? Позвольте, позвольте! А почему я вас не спрашиваю: зачем, так,

так, зачем вы разводите свои ветрячки, и уже сорок лет их разводите, и уже развели их пять тысяч семьсот, или семь тысяч пятьсот, и вот скажите мне: за-чем?..

— Ну-у, — прогудел озадаченно Вертутий, видно, не ожидая, что своим простым вопросом накличет на себя такую бурю и гром.

— Вот вам и «ну»! Вот вам и «ну» после вашего позорного «зачем!» Хе, «зачем» спрашивают! Да вы знаете?..

Сиз даже опёрся на локти, пронизывая Вертутия насквозь своим возмущённым взглядом. Усы и седая шевелюра у Сиза ошетинились белыми колючими иголками. (Когда-то мне в Африке знаменитый путешественник Васько Дегаман сказал: «Если у льва поднялась щёткой шерсть и вздыбилась грива, не подходи, обойди его стороной, ведь он не собирается с тобой шутить». Что-то подобное творилось сейчас и с нашим Сизом...) Но Сиз вдруг откинулся на спинку кресла, засмеялся и уже другим тоном, с горькой прохладой после взрыва, промолвил:

— А что до меня... Ну что ж, позволю пояснить, если это неясно некоторым довольно несмышлёным головам. Слушайте. Я могу без грохота, без дыма, без проводов залить всю землю светом. Да, да, не шевелите бровями, Вертутий, не удивляйтесь. У меня везде: в залах, в галереях, в доме, на лестницах к озеру — везде у меня светит, вы думаете, что? — простые лесные светлячки. А если развести их, то знаете, можно осветить не только все дома и постройки на Длинных озёрах, а и дальше, аж до Щербатых скал. И каким светом! Не греющим, не дымящим, не давящим, а настоящим, просто ласковым светом. Это первое. А второе. Хотите: я могу весь мир завалить рыбой. Вкуснейшей, питательной рыбой. Именно, именно, не делайте круглые глаза, Вертутий! Вы видели у меня рыб, которые фантастически светят в морской воде. Так вот, они могут мне приманивать, привлекать в мои сети целые табуны отборной сардины, сайры, ставриды. А когда надо, они отгонят от хищников ту самую рыбу, сберегут её для потомства. А третье, хотите, я могу...

Мы так и не узнаем, на что ещё способен наш мудрый Сиз XII, что он может сделать, загибая третий, четвёртый, пятый и десятый пальцы, ведь тут зашла в комнату его сестра Мармусия. В одной руке она несла серебряную тарелку с чашечками, а в другой — перламутровый ящичек, накрытый сверху белым ватным облачком.

И то и другое поставила на стол.

Белое облачко ваты сняли. И вот!..

Чублик поразился, до ушей запылал, запылал на лице медовым жаром, не мог отвести

глаз. Потому что в том ящике, в мягких гнёздах на белой вате лежали... Нет, не лежали, а сияли, смеялись, горели — вишнёво, карминно, лимонно! — маленькие светлячки. И видно было, что они с простых деревьев, а только же — какие краски и какая неожиданная, какая сильная игра света!

— Это я сам! Это я сам вырастил. В подземной теплице. Таких светлячков в лесу нет. Нет таких в мире! — горячо шептал Сиз и влюблённо глядел на блеск, на сияние выращенных им светлячков, которые лежали один к одному в белых ватных гнёздах. — О-о, там у меня, Чублик, в подземной оранжерее, есть такие чудеса чудные, я потом тебе покажу. Ну как, понравились? Правду скажи!

Разве нужно было спрашивать? Чублик утопал глазами в этих сокровищах, в этих синих, золотых, пурпурных угольках-огоньках.

— Что ж, я дарю их тебе, Чублик! Бери! Ты их разложи дома в фонариках, в комнате на стенах. Увидишь, как загорится и засияет у тебя в доме царство ночных светлячков. Держи! Только водой намочи вату, не забудь!

Чублик взял за днище этот ящик и к деду Вертутию взглядом: как же его? Куда же его? Может, от свечения, а может, от неожиданного счастья Чублик сам вдруг запылал и засветился, как ночной светлячок в темноте.

— Сиз! — поднялся из кресла Вертутий. — Ты меня прости, кхе-кхам, может, я и не то, и не это что-то брякнул, всё это от душевной простоты, оно у меня бывает. А только же я вижу... Вот внук радостный, и у меня на душе — просто сияние. Теперь позволь и нам, значит, скромный наш подарок... тебе и дорогой нашей Мармусии, где он, о!

Вертутий развернул свёрток и поставил на столе... Поставил перед глазами Сиза и Мармусии весёлый, живой, золотистый ветрячок. Именно золотистый, ведь сделан он был из сухого, хорошо высушенного на солнце камыша.

— Ветрячок, кхе-кхам, скажу вам, с большим секретом. Я бился над ним двадцать два года. Вот дуньте на него, дуньте! Все ветрячки на свете крутятся как? За ветром крутятся, клянусь вам честью, только за ветром. А я соображал, и так и сяк приделывал крылья и вот сделал, сделал всё-таки — против ветра крутится! Ага, попробуйте дуньте сильнее! Не бойтесь!

Дунул Сиз, даже строгая Мармусия подошла, сложила губы граммофончиком и легонько дунула (и тут же холодно отступила, показывая, что она далека от таких детских забав!).

Ветрячок зафурчал, золотистое колесо замигало-запело на столе.

Сиз радостно встопорщив брови, смотрел, и кто знает, или он и вправду верил, что этот ветрячок — единственный на свете! — крутиться наоборот, против любого ветра, или просто радовался: есть у него ещё один славный ветрячок! Он сказал, что будет беречь его, поставит на крышу рядом со старым ветрячком, и пусть они крутятся вместе: один за ветром, а другой против ветра!

Камышовый ветрячок быстро лопотал, золотым клубком накручивал тихую песню. Мармусия спохватилась, напомнила брату:

— Приглашайте гостей. Кофе остывает.

Сказала и стала вежливо в сторонке, с рушником на плече.

Ах, какой это был кофе! Губы слиплись, а от запаха кружилось в голове! Я пил такой кофе только в Багдаде, в тени под верблюдом, с одним арабийским заклинателем змей, который доливал в чашечку каплей десять чёрной кипящей смолы. То был вкус, то был запах, а это!.. Чублик пил и причмокивал, дед Вертутий пил молча и сопел, а Сиз XII отхлёбывал из чашки маленькими глотками, и счастливые слёзы катились по его щекам.

Поблагодарили Мармусию, поставили чашки на серебряную тарелку, и тогда Вертутий сказал, что он приглашает Сиза к себе в гости на Верхнее озеро, покажет ему новые ветрячки.

И Сиз, который недавно, как нам кажется, что-то такое выкрикивал про эти бесполезные тарахтелки-ветрячки, встал, с великою радостью расцеловался с Вертутием и сказал, что он знает большей радости, чем посидеть у него на берегу, отдохнуть сердцем, послушать, как распевают на все голоса сотни его мельниц и ветрячков.

Все вместе встали из-за стола, дружно пошли, и тогда Мармусия окликнула Сиза, строго напомнила ему, чтобы он вернулся, закутал горло. Лето летом, но с его простудами... А потом — пусть будут осторожны, ведь кто-то ходит, кружит у их двора и почему-то украдкой, словно злодей...

Она провела брата в настороженно-тихую ночь и долго ещё стояла в дверях, тревожна и сумрачна, прислушивалась до перестука шагов на лестницах, к шевелению в кустах. Сейчас, когда её никто не видел, она уже ни от кого не таилась — слушала и прикладывала к глазам влажный, надушенный платочек. Не верьте, что у неё холодное и неприступное сердце. После любимого Чуй-Голована, который разбился на её глазах, нет и не было у неё дороже человека, чем брат Сиз. Она готова была сидеть над ним всю ночь, то есть, простите, весь день, сидеть с вязанием в руках, стеречь сон и покой милого брата, лишь бы только не сползло с него теплое одеяло, не сдвинулась подушечка, не заскрипела ставня. Она бросалась на каждый малейший шорох или звук, даже если пролетела над кроватью муха. А её холодность, её благородная неприступность и горделивость... Ну что ж, видно, такие уж там обычаи, в тех юхландских колледжах...

Мармусия с тревогой провела своего брата к озеру, глянула на кусты ежевики, где она было заметила недобрые затаившиеся тени. Словно чувствовала она всем сердцем, что бедного Сиза ждёт этой ночью не одно приключение.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Сиз XII, Вертутий и Чублик плывут к Верхнему озеру. «Не пуцу! Гребите сюда!» — зовёт с берега Хвороща. В стране стоусов день

Они вышли за ворота; густая темнота обступила их; Чублик вдруг оглянулся и удивлённо вымолвил:

— О! А это кто маячит? За кустом! И глазами моргает, смотрит на нас!

— Ты смотри! — остановился Сиз. — Правду сказала Мармусия: не иначе волки. Откуда они тут взялись? А ну, стойте, я их веслом. Ар-ра!

Сиз махнул длинным веслом, и двое в кустах, какие-то мохнатые, подпрыгнули высоко вверх, с шумом и треском кинулись прочь от берега, в заросли.

— Ах, всё-таки забрели в наши края серые, — встревожено сказал Сиз, а потом рассмеялся, вспомнив, как улепётывали эти двое в лес. Никто в темноте и не разглядел, что это были совсем другие разбойники, ещё страшнее лесных волков.

Скоро про это происшествие и забыли. Ведь над озером стояла тихая чудесная ночь. В такую пору разве можно было думать про что-то страшное и плохое? Тишиной, чарами ночи упивалась ваша душа. Гляньте! Полная луна плыла в небе и светила красноватым светом, словно огонь. Падали на воду тёмные тени от сосен, и золотая дорожка стелилась от берега до берега.

Наша компания спустилась к озеру. Лёгкий остроносый чёлн дремал на воде, привязанный к корневищу. Квакали жабы, сухим треском заливались сверчки в прибрежных травах.

Вертутий сел за Вёсла, Чублик устроился впереди (он не выпускал из рук своё сокровище, перламутровый ящик с мерцающими, трепещущими светлячками). Сиз солидно уселся сзади, чтобы спокойно попыхтеть трубкой, любуясь, как дым длинной змейкой стелится далеко позади над водой.

Оттолкнулись от берега, поплыли.

И поплыла за ними полная луна, поплыли тени от сосен, золотая дорожка перебегала, сверкала, догоняла их. Вода тихо хлюпала, булькала где-то за лодкой. Сонно играла рыба, и такая тишина, такая благодать были разлиты над озером, что Вертутий кашлянул, а потом сказал: «Какая славная ночь...» И, легонько подгребая вёслами, замурлыкал густым басом, как шмель к дождю.

Чёлн легко и неслышно, как птица над водой, плыл сонным озером; от берега тянулась к нему, сверкая мерцающим огнём, красная дорожка, а Чублику казалось, что это луна играет с ними, держит их на привязи, на золотом поводке.

Такой ночью нельзя было молчать, хотелось отзываться, аукать, окликать таинственные тени из-под берега, перекидываться добрым словом. И Сиз с Вертутием вспоминали прошлое, вспоминали старые истории, а потом мало-помалу, да и перешли на размолвку. Был у них давний, больной, извечный спор, а именно: кто первым поселился на берегах Длинных озёр — триусы или стоусы? Сиз с глубочайшей убедительностью доказывал, что первыми пришли на берега Длинных озёр именно стоусы, и не кто иной, а его предок Сиз Стоус I. Он тут построил в глухомани первый дом, основал страну-поселение и, воткнув в песок посох,

сказал: «Вот тут есть и пребудет навеки наша земля, вода и грибы». (В хрониках сказано, что Сиз I чрезвычайно любил грибы опенки.) А уже потом поселился немного дальше, в Трёх Соснах, стоус Варсава, за ним стоус Лапоня, а ещё дальше другие...

Вертутий ударил себя по колену, рассердился и загремел: наоборот! Первыми пришли его предки триусы, и не на левый берег, где стоит теперь Сизов пень, а на правый, вот сюда, где сейчас ветрячки Вертутия и где грядки Хворощи. Именно так было! Триусы пришли первые, и сам его предок, Вертутий Мукомол, закопал на берегу камень и сказал: «Вот тут я поставлю первую водяную мельницу».

Теперь уже Сиз подскочил, раскачал и чуть было не опрокинул лодку. Выбил сердито трубку, придвинулся поближе к Вертутию. Взял его за грудки, и они загремели друг другу в уши. Теперь они заспорили о том, почему и отчего стоусов называют стоусами, а триусов триусами.

Вертутий пыхтел, гудел, как из трубы, и говорил, что его предки древнее, и больше похожи на лесного царя Оха, и что издавна они носили густые бороды и длинные рыжие усы. А стоусам, Сизовым родичам, с левого берега казалось, что у Вертутиевых дедов-мукомолов не борода и два уса, а просто три уса.

— Как?!

Сиз воткнул трубку в рот, да так и замер. Выходит, Вертутий обвинял его предков в глуповатости или, по крайней мере, в поросячьей подслеповатости.

От такой мысли луна показалась Сизу в виде красного огня, и Сиз схватил Вертутия за петельки и крикнул в ухо:

— Да вы знаете? Вы знаете, что в хрониках сказано? Вы не триусы, а тригуси, от трёх гусей, гусячьи вы головы!

— А вы, а вы? Сто волосинок у вас в бороде, и тех, несчастных, нет, вот вы и стоусы такие!

— Ага, вы так?

— Ага, и вы так?

Сиз и Вертутий поднялись на ноги. Сиз дёрнул лучшего друга к себе, лучший друг — Сиза к себе, чёлн покачался-покачался с боку набок, да и зачерпнул воды.

Плюх!

Бултых!

Вёсла стоймя!

Вертутий с размаху — кувырк спиной за борт!

Сиз, будто хотел ухватиться руками за луну, хлопнул над головой в ладоши и тоже — с плеском! Вверх ногами! Аж брызги над озером!

Стихло...

Только круги побежали, да Сизовы усы качались на воде, да испуганное фыркание и бульканье.

И звонкий голос Чублика:

— Светлячки, светлячки, светлячки мои! Выручайте, ловите их! Выру...

Квакали жабы, перекликались сверчки на берегу.

И плыли, плыли озером Чубликовы светлячки, легонько покачивались в белых гнёздышках из ваты. Да ещё колыхалась под берегом золотая дорожка, и казалось, тихо усмехалась с неба красная луна.

Первым вынырнул здоровяк Вертутий. Вода катилась с него ручьями, лилась из ушей и

носа. Он громко чихнул, аж эхо покатилося берегами, и сказал: «Чёрт побери! Кажется, я немного промок!». Оглянулся. Посреди озера, на темной воде, лежал вверх ногами чёлн; его просмолённое днище поблёскивало под луной, как спина акулы.

Вертутий догнал его, перевернул, поставил на воду. Ещё раз оглянулся: нигде ни души. Только светлячки качались на воде. В белой вате, как в белых блюдечках.

— Сиз! Чублик! Где вы? — прозвучало над озером.

Хлюпнуло сильнее — это Вертутий набрал полные лёгкие воздуха и нырнул. Вытащил со дна мокрого и холодного внука. Долго кряхтел, пока подсаживал в чёлн круглого и хорошо упитанного Сиза.

Порадовались, что все живы и здоровы. И не откашливались, не выжимали рубашек. Скорее кинулись вылавливать светлячков. Подплывали челном и по одному собирали их, а Сиз посасывал мокрую трубку и утешал Чублика. «Ничего, ничего, говорил, не бойся, сынок, они не утонут. А что вата немного намочла, это даже лучше: влажные, они сильнее светятся. Я так всегда и делаю, увлажняю их именно в такое время, когда луна высоко и вода поднимается лёгким туманом...»

Одним слово, выловили всех светлячков, поплыли дальше между тёмными стенами сосен, между дубами, которые громоздились высокими шатрами над самым берегом.

Когда-то тут была долина и текла долиной небольшая речка. Но весенние воды залили все старое русло; из глины, из песка, из поваленных деревьев наворотило весной запруды; и вот длинным шнурком, одно за другим, разлились тогда три озера. Стояли они чистые и глубокие; когда падал на дно жёлтый листок осины, этот листок видно было кто знает с какой глубины, с самого дна. Одним из таких озёр, а именно Нижним, и плыла сейчас наша компания.

Снова весь мир охватила тишина. Луна светила кругло и ясно.

*Ой выйди, выйди, ясный месяц,
Как мельнично колесо, —*

нежно и одиноко доносилось с далёкого берега, из леса.

Кто-то звал, обращался песней к ночному светилу. Пела, наверное, какая-то молодая стоусовка или триусовка и так печально, так высоко выводила голосом, что мелкая волна покатила по воде и у всех троих в челне, у Сиза, Чублика и Вертутия, холодные мурашки побежали по телу.

— Сиз, — под этот печальный напев глухо и задумчиво откликнулся Вертутий. — Вы меня простите, толстокожего, я опять, кажется, что-то не то брякнул... Оно у меня, знаете, бывает, кхем...

Сиз только горько махнул трубкой:

— И вы меня простите за слова, дорогой Вертутий. Погорячился, очень я погорячился и теперь каюсь в душе... Слушайте, что я вам скажу. Когда я нырнул в холодную воду и уже думал, что умер, я вдруг вспомнил, слышите, я вдруг вспомнил под водой — в одной старой хронике сказано: наши предки вместе, так-так, именно вместе вышли к озеру, в один день...

— Вот-вот-вот! И я такое слышал. Вместе, вместе вышли! Ваши с той стороны, наши с этой стороны, вот тут они встретились, сняли шлемы и перед водой склонили колени. И так сказали: «Здесь на веки-вечные... без вражды и ссоры». И напрасно мы с вами здесь... за петельки...

Сиз аж крякнул от досады, терзая себя в душе.

Осторожно протянул руку, словно за трубкой. И вдруг, в горячем порыве, сильно и преданно стиснул широкую лапу Вертутия, и они вдвоём замерли в этом пожатии рук, что-то между ними прокатилось, что-то до слёз зацепило душу (чтобы это... никогда... и никаких ссор!). Мокрые, они сели теснее, плечом к плечу, и вдвоём, искренне и преданно, засмотрелись в небо.

А чёлн плыл тихо под луной, рассекая светлую гладь озера.

Миновали крутой берег, где висели над водой старые трухлявые корни, поваленные пни; где чернели ямы и выбитые волнами пещеры и где, по мысли Чублика, прятались чудища, страшилища, привидения, и другие призраки ночи.

Потом берег выравнился, заблестела белая песчаная коса, запахло с невысокого зелёного пригорка домашним дымком. Кто-то стоял на косе с большой лейкой и кричал:

— Вы куда?! Бессовестные! Не пущу! А ну сюда, сюда подгребайте, к моему берегу! Где это видано: плыть мимо моего дома и не захватить? Да пускай у меня ноги отсохнут, если вас отпущу!

Вертутий весело и безнадежно махнул рукой: тут никак не проскочим! Когда Хвороща заметил, не трать, кум, силы, поворачивай к его берегу. Непременно затащит, усадит и будет угощать вас дынями, и хоть просите, хоть кричите, — не отпустит.

Повернули чёлн, поплыли на зов весёлого и гостеприимного Хворощи.

Хвороща стоял около воды голый, в красной папуасской повязке. Роскошный пучок петрушки торчал у него за ухом. Видно было, что он не сидит, как некоторые, в подземных музеях, а всю жизнь трудится на воздухе, около своих грядок. От цыганского солнца — луны — Хвороща загорел до синего, до фиолетового блеска. И был похож (не только цветом кожи, а и толстеньким животом) на крупный синий баклажан.

Как почти все толстяки, он любил хорошо покушать и имел очень веселый нрав: на каждое ваше слово, смешное или не очень, он не просто смеялся, а будто катил, пускал до берега своё могучее «го-го!», и оно, это «го-го», допрыгивало аж до воды весёлыми обручами-колёсами.

Одним словом, Хвороща не дал опомниться гостям. Сразу потянул их к столу. И не успел Чублик рта раскрыть, чтобы похвалиться своими светлячками, как хозяин притащил с огорода первую дыню.

— Вот она, королева стола! — заулыбался гостям. — Дыня с начинкой! Вы такой ещё никогда не пробовали! Усаживайтесь! Сейчас отведем! Ведь это дыня не простая, а дыня с галушками! Для вас берёт!

В один момент Хвороща разрезал дыню и высыпал в большую миску настоящие и даже горячие галушки. Миска запахла разопревшим гречневым тестом. Видно, Сиз хотел его спросить: «Как? Откуда галушки в дыне?» — но только пошевелил длинным усом, как Хвороща ему, а потом всем ткнул в руки деревянные шпажки и пригласил:

— Начали! Угощайтесь! Говорят: благодарники за вареники, а я вас галушками потчую. Ешьте! Набирайте по три, ведь по две мало! И не просите, секрета не открою: я эти галушки с завязи в дыню вкладываю, они там и росли в ней, вместе с дыней.

Он поднялся и быстро произнёс:

— Сидите! Это только прикуска, а сейчас будет что-то побольше и посолидней.

Прикатил с огорода другую дыню.

— Ах ты, моя красунечка! Гляньте: дыня — верблюд! С весны выращивал её на чистом песке, поливал только при свете луны.

Чублик глянул и немного даже оторопел: перед ним вправду лежала большущая двугорбая дыня — верблюд. Точь-в-точь похожа на верблюда: горбатая, мягкая шкурка и

вся-вся покрыта золотыми ворсинками, на которых блестела холодная роса.

— Дружно! Взялись! — приговаривал Хвороща. — Не бойтесь, ешьте просто со шкуркой, с золотыми ворсинками. Весь вкус в этих ворсинках, в этой росе. Ах, какой запах, ах, как сладко тает во рту, вы попробуйте — уммм! Это просто сон, это что-то необычайное, я два года прививал, пересаживал, поливал, чтобы на ней пучками, пучками выросли эти душистые золотые ворсиночки.

Он говорил, а сам отхватывал немалые ломти и каждому в руки: берите, ешьте, угощайтесь, вкушайте, пробуйте, наслаждайтесь, смакуйте!

Даже не верилось: лежала перед ними дыня, как горб, а за Хворощиными присказками, за весёлыми его приглашениями и не заметили, как умяли её. Смели все, даже шкурки съели.

Хвороща вкатил третью дыню.

Подождите, разве ж это дыня?

Чублик даже рукой пощупал: никакая не дыня, а большой глиняный кувшин.

— Правильно! Правильно, сынок! — весело согласился Хвороща; он смеялся и в своей папуасской повязке, с петрушкой за ухом аж блестел фиолетовым глянецом от радости. — Правильно, глиняный кувшин! Я их тысячами леплю на берегу и выращиваю в них дыни... Брат Вертутий, давайте поднимем его и немного стукнем.

Вдвоём едва-едва подняли они глиняный кувшин и легонько стукнули об пол. Кувшин раскололся. И когда отколупнули один черепок, а потом другой, третий... Нет, Чублик никогда не видел такой нежной, такой прозрачно-тонкой лимонно-жёлтой шкурки у дыни. Кажется, вся дыня была налита мёдом. Вся она светилась, словно солнце, и даже жёлтые семечки (изнутри!) тоже просвечивали — их видно было сквозь толстую медовую мякоть.

— Угощайтесь, угощайтесь! Как говорят: пускай вам здоровья прибудет. В ручки, в ножки и в животик немножко! А я вам сейчас ещё одну...

Хвороща прикатил четвёртую дыню, дыню-арбуз. Это чудо природы нужно было есть так: хорошенько поколотить её в руках, нарезать и сперва выпить из середины густой-прегустой сок, от которого аж слипались губы; потом вынуть красного «деда», этого, знаете, что весь в серебристом инее, — и съесть. А тогда уже браться за ломти, каждый величиной с локоть, и каждый пахнет и арбузной сладостью, и осенним ароматом дыни.

Ещё не управились с одним блюдом, как Хвороща вкатил пятую дыню, вертутивку. Сказав, что такого богатыря — дыню-великана с головой, с жёлтым ободком посередине и будто с руками, упёртыми в бока, — он вырастил у себя в погребке и назвал в честь брата Вертутия вертутивкой. Тут же разрезал «брата Вертутия» на толстые ломти — дыня распалась веером и заняла полстола.

Съели полдыни и тут...

— Не могу! — застонал Вертутий. — Спасибо, дорогой Хвороща. От сердца спасибо, наелись. Хоть и в мою честь названо, не лезет. Вы же знаете, мудро сказано: человек не скотина, больше ведра не съест.

— Съест, съест! — подкладывал и подкладывал ломти Хвороща. — На вашу мудрость у меня есть лучшая мудрость, послушайте: брюхо не дерево, растянется.

И Хвороща вкатил ещё одну дыню, дыню-ведьму, а затем и последнее своё чудо — дыню, которая выросла на груше.

— Да не могу! — уже криком закричал Вертутий. — Слышите: на мне все трещит! И глаза на лоб лезут!

— Ничего, ничего! — упрашивал неугомонный Хвороща. — А вы потихоньку, а вы

полегоньку, пропикивайте, пропикивайте в рот. Оно полезет, оно уместится. Знаете, в животе, как на посиделках: где сто потеснятся, найдётся место сто первому!

— Лопну! Вот сейчас лопну! — завертел головой Вертутий, ища спасения, как медведь, которого припёрли рогатиной к дереву.

Он глянул на своего внука: у бедолаги глаза напрочь посоловели, ещё один ломоть съест — и сам станет дыней. А в углу стонал Сиз, разлёгшись на соломе и раскинув широко ноги. Он тяжело дышал и просил:

— Братья! Раскурите мне трубку! Не могу... Никак не подниму руки. Все тело дынями объелось. Сплю...

«Сплю» — это у него так выговаривалось «сплю»...

— Бежим, друзья, — зашептал Вертутий, когда Хвороща побежал за новой дыней. — Бежим сейчас, хоть ползком, хоть на четвереньках, ведь тут и пропадём, — мы ж только перекусывали, а сейчас Хвороща будет по-настоящему нас угощать...

Хвороща катил «слона», а ногой подталкивал здоровенную дыню-кокос, когда вдруг увидел: его дорогие гости, взявшись поп руки и косолапо заплетаясь в густых дынных плетях, бредут бахчой к озеру. Вот они повернулись и уже без слов закивали ему издали (а глаза и губы у них слипались), что-то они бормотали, мол, спасибо, благодарим, до свидания, спешим, больше остаться не можем.

— Как? Да куда ж это вы? — шлёпнул себе по коленям Хвороща. — Вы ж голодные! Вы ж голодные! Вы ж ничего не пробовали! А дыня-вишня? А дыня-горшок? А вы ж не пробовали ещё дыню с воробьями!

Он погнался за гостями, подкатывая какую-то зелёную плоскую дыню-гриб. Гости оглянулись и что было сил через заросли, бурьян, ручей, через болото кинулись к берегу и один за другим попадали в чёлн.

— Ху-у!

— Хо-о!

— Ох-хо-хо...

А Хвороща стоял под луной, с немой обидой смотрел на них, воздев руки к небу. И уже когда чёлн отплыл, закричал:

— Да что это за люди? Что это за гости мне? Спешат! И куда торопятся? Ну посидели бы, поговорили б хорошенько. Слышите? Эгей, слышите? На той неделе у меня большой праздник. Все приезжайте! И зовите соседей! Тогда засядем за столом — на целую ночь!

Хвороща затих и побрёл огородом. «А экскурсия?» — вспомнилось вдруг ему. Такой-сякой! Не показал гостям огорода! А хотел же показать им, да хоть бы юному отроку, где у него растут дыни, — на плоту, на крыше, на колодце. Одна дыня залезла даже в трубу и сидит там, как сова в дупле, а дым из дома выходит у него сквозь двери и стелится низко над огородом. А ещё показать, как растут у него на огороде дыни-кувшинчики, дыни-кадушки и дыни-бутылки. И вы думаете, это всё? А огромнейшая дыня-ворота, которая загородила собой весь перелаз? А дыня-печь, что залезла в хату? А жену свою показать — Дынаиду Купаловну?

— Ого-го! — сложил ладони и крикнул Хвороща за высокую песчаную косу. — Возвращайтесь сюда, сю-да-а! Я вам что-то покажу-у!

Ка-жу! Гу-гу! Уг-гу! — разнеслось эхо тёмным лесом.

А чёлн плыл себе дальше, плыл золотой дорожкой к Верхнему озеру.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дорога на Верхнее озеро. Перекличка зверей в темноте. Разговоры про дикого лесного приبلуду. В царстве ветрячков

Когда они попадали в чёлн, старая просмолённая долблёнка осела в воду так, что тёмная поверхность озера слилась с бортами и пустила волну где-то высоко, перед самым носом у Чублика. Ещё б немного — и они перевернулись бы вверх дном и кто знает, вынырнули бы живыми с таким грузом дынь.

— Не двигайтесь, не шевелитесь, кхе, — тихо попросил Вертутий. — А я легонько буду грести.

Выбрались на чистый плёс, и чёлн тяжело поплыл, как плывёт старая бобриха, у которой выглядывает из озера только тёмная спина и кончик носа.

— Брат Сиз, у вас нету шнура? — негромко спросил Вертутий.

— А кого вы хотите вязать?

— Себя. Все пуговицы на мне треснули. Видите, штаны в руках держу.

— Вот Хвороща! Чтоб ему коты мёд носили! Так накормил!

— От всей души! Чтобы не говорили — голодные!

Сиз и Вертутий засмеялись. А Чублик молчал. Потому что всё у него склеилось от густого сладкого сока — и пальцы, и губы, и глаза. Он подремал немного, но, даже в полусне, легонько прислонившись щекой к дедовой спине, приглядывал за своей коробкой: целы ли его светлячки, не поплыли ли они снова по воде?

— О! А это что? — проснулся и оторопело спросил он, хлопая сонными глазами. — Дедушка, смотрите! Снова в кустах... Будто два здоровенных лампириса...

Сиз и Вертутий повернулись на его голос.

На высоком берегу из тёмных густых кустов снова что-то блестело — двумя огромными голодными огнями.

— Ты смотри, — приглушил голос Сиз. — Наверное, те же самые, что мы со двора прогнали. Они что, за нами бегут? И смотрите, как этот первый хищно вытаращился на нас, будто вот-вот прыгнет в воду...

В тот же миг над озером раздался тоскливый протяжный вой:

— Овв! Ов-ву! Рах, рах!

Зверь (или кто знает, что это такое) стоял над кручей и выл на луну, на чёлн, на наших путников. А Вертутий быстрее грёб и грёб дальше от того лихого места.

И вдруг с другого берега, из-под обваленного пня, блеснули ещё раз на них такие же недобрые огни. И снова прокатилось над водой:

— Ов-ву! Ов-во-вов! Рах, рах!

На берегу, в густой темноте, словно переключались злобные голоса, передавали один другому: следите! Вот они, лесные люди! Плынут мимо вас!

И, будто напугана этими зловещими голосами, тут же вынырнула из темноты кукушка и низко, над самой водой облетела чёлн, легонько черкнула крылом Сиза. От кого она предостерегала его?

— Что ж это такое? Неужели волки, про которых говорила Мармусия? — забеспокоился Сиз. — В наших краях давно волков не было и не водилось. Да что-то и не похоже это на серых, голоса совсем не те. Завоет, завоет, а потом будто ножом по камню: рах! рах!..

— А вы слышали, — прогудел Вертутий и со всех сил налёг на вёсла, — вы слышали ту старую историю про какого-то дикого лесного приبلуду, что кажется тут над озером...

— Да ещё б не слышать! Он моего деда, Сиза Стоглаза, прямо в доме задушил...

— Ну-ну-ну! Расскажите, как это было, — придвинулся ближе Чублик.

— Да уж было, чтоб над ним ворон каркал! Вот так было. Как ночь, так и стало показываться в наших краях какое-то ночное страшилище. Кто знает, из каких чащоб, из каких болот и трясин оно притаилось. А только хищное и коварное — страх. Запах от него густой, волчий запах, а только присмотрелись — не волк. Ходит на двух лапах, шерсть у него косматая, а голова — будто человеческая. Но страшнее всего — оно всех в лесу душило. К чему притронется лапой, там и смерть... Подкрадётся из темноты, смотрит: дед наш седенький грибы собирает. Оно подползёт, схватит старого за спину — и дед упал, почернел, обуглился весь, как горелый пенёк. Тронет дерево лапищей — и дерево засыхает. Дунет в дупло — и бедные птенцы гибнут. Видно, не наше оно было, приبلудное. Вот и храпело, бегало глухими ночами в дебрях и все живое в пуще топтало. Топтало и жрало. У нас его так и называли: Мёртвая Пасть.

— Ты смотри! — оторопело оглянулся Чублик. — И долго оно в лесу блуждало?

— Ох долго, сынок. И зла натворило нимало. Одного боялось проклятое — светлячков, а ещё больше — больших весёлых костров. Все разбойное, оно, знаете, любит темноту, глушь, а тут вдруг среди ночи — огонёк. А где огонёк в лесу — там песня, весёлые разговоры, жизнь. Вот он, этот лохматый приبلуда, станет за деревом, отвернётся и храпит: страшно его огонь и наши стоусы раздражают. Покинут наши поляну, тогда он выскочит из темноты и давай светлячков топтать, лапами, лапами их, а потом землю гребёт и огонь засыпает и тоже лапами сверху. Страшно светлячков не любил и боялся, злыдень! Да чтоб ему, даже на луну зубами клацал! Как только луна выплывает в небо, он тогда в корчах отползёт и землю, землю гребёт лапами, в небо кидает. Будто хотел и луну погасить, чтобы темно и страшно было кругом.

— Может, это болотный оборотень? — глухо откликнулся Вертутий. — Говорят, они водятся в трясине, в болотных топях, и не то что света, а малейшей искорки в лесу боятся: от света они слепнут и гибнут. Возьми и ткни ему огнём под нос — он так и окаменеет, замрёт, в трухлявый пенёк обернётся.

— Кто его знает, — пожал плечами Сиз. — Я же вам говорил: наши тоже думали, что это волк или оборотень. Но нет. Что-то, брат, страшнее: какой-то ночной слепец-душегуб. Подкрадывался и, где блеснёт над озером огонёк или хоть маленький светлячок, — храпел, топтал его лапищами, а потом в глухомани, в темноте кидался на наших...

— Хм, напасть! — тихо буркнул Вертутий. — Что ж это такое? И что с ним приключилось? Куда оно сбежало-подалось?

— Сбежало!.. Такое страшилище сбежит! Выкопали наши яму, как раз там, за Кабаньей речкой. На дно бросили драную рубаху одного седенького деда — для приманки. И говорят: «Вы, дедушка, тут посидите, в холодочке. А захотите грибы собирать — собирайте себе на поляне. А мы пойдём дальше за речку». Пошли. Только деда не оставили там, спрятали в дерюгу. И понесли с собой. А тот лохматый приبلуда как услышал, что дед будто бы сидит в холодке, глаза хищно засверкали, он стремглав — прыг на рубаху! И в яму! Прямо в железные клещи — лапами! Попался! Побили его наши дубинами, в лохмотья измолотили. Говорят: хватит ему! Уже трижды дух испустил! И что вы думаете? На другую ночь пришли

наши к яме, глядь — и следу нет от приبلуды! Удрал, забитый из ямы выбрался! Только оставил там недобрый знак: воткнул над ямой палку, повесил на ней клубок чёрной палёной шерсти и проткнул тот клубок стрелой из камыша. Чтоб на лес, на наши озера стрела показывала!.. Как увидел этот знак старый Овид Варсава (а он был мудрый стоус, и внук его, наш профессор Варсава, точь-в-точь в деда своего удался), как увидел. этот знак, потемнел весь и говорит:

— Недобрая примета! Вы знаете, что этим знаком передал нам тот хищный душегуб? Он, аспид, говорит: «Я приду к вам через сотню лет, приведу из пещер новых братьев-приблуд, и мы спалим вас и ваши леса дотла!»

— Ну, это когда было! — загудел рассудительно Вертутий. — Оно, может, когда и было, да давно сплыло. А может, это и просто выдумка или такое давнее происшествие, что уже всё мхом обросло. Сейчас не те времена. Отроки наши лесные в школу ходят, да и мы с вами, кхем, уже не это... У вас музей, а у меня ветряков наплодилось, ого-го сколько!

— Оно, брат, не всё, что старое, то и древнее, — мудро заметил Сиз XII. — Бывает давнее происшествие правдивее и живее теперешнего. И я бы думал, что всё это старое и мхом поросшее, да вот слышите: этот тоскливый вой-перекличка над озером... Что-то на очень плохую память оно наводит...

Однако ночной вой отдалялся, затихал, глух в лесах, и Чублик даже подумал: а может, это ему спросонья показалось? Может, ничего и не было?

Они уже подплыли к широкой плотине-запруде. Угрюмо вздымались вывороченные колоды, пеньки, корневища, весь этот бурелом, из которого была навалена плотина. Между колодами пряталась присмирившая темнота, и где-то звенел ручей, сбегая вниз под плотину.

Все трое примолкли, осторожно сошли с челна.

Вертутий взял долблёнку на плечи и сам, крикнув, понёс её наверх, крутым косогором в Верхнее озеро.

А вот и оно, Верхнее озеро. Ещё больше, ещё обширнее, чем первое. И луна тут светила яснее.

Подплыли к мелкому песчаному берегу. И издалека слышали: на берегу что-то ровно, басовито гудело, как гудят пчёлы на пасеке. Это неутомимо, день и ночь, трудилось Вертутиево хозяйство: сотни, тысячи мельниц. Они плескали, перелопачивали воду, пели, тархтели, фырчали, — и всё это сливалось в густое шмелиное гудение. Вертутий ожил, закашлял, быстрее привязал чёлн и стал поторапливать Сиза: ну как вам, мол, нравится музыка в моих владениях?

Славное место выбрал для себя Вертутий! Под луной сиял высокий холм белого-белого чистого песка. И на холме, который оведали ветры со всех сторон, стоял древний дом, ни с каким другим домом его нельзя было спутать: на дверях, на ставнях, на трубе, на крыше — везде торчали, тянулись вверх ветрячки. Были они разные, большие и маленькие, были и совсем миниатюрные, пели они все тоже по-разному, ведь сделаны были так: одни из дерева, другие из камыша, а ещё другие — из коры, бересты, красного луба, кленовых вертушек, засушенного листа, из желудей. А были тут мельнички даже из ракушек, из большой рыбьей чешуи, из лебединых перьев. И это только те, которыми утыкал Вертутий свой почерневший от времени, немного расшатанный ветрами, дом.

Дальше за домом начиналось царство водяных мельниц. Из песка Вертутий намыл и насыпал под холмом старинные крепости, башни, мосты, прокопал канавы. Из озера пустил в каналы воду и поставил на протоках ровно двести водяных мельниц. Представляете: двести

лотков и двести деревянных колёс, которые бьют, крутят, перегоняют вспенённую воду, и это лопотание, этот шум день и ночь не стихают над озером.

И, наконец, величайшая гордость Вертутия — два ряда песчаных мельниц. Сверху узкими желобками сыплется на них чистый, словно просеянный песок, и мельницы с сухим шелестом крутятся, весело гомонят, выбивая золотыми колёсами мелкую песчаную пыль. В полнолунную ночь любил тут посидеть Вертутий, послушать вечный шум воды и песка на берегу и философски промолвить к небу: «Оно, конечно, м-да, если оно, конечно, то...» И скрепить свою мысль солидным покашливанием: «Кхем!»

Вот тут и присели отдохнуть наши путники.

А они всё-таки очень утомились: и дынями, и бегством от Хворощи, да и искупаться довелось им в озере. Вот и сели изнурённо на песке и задумчиво слушали, как плещет вода в лотках, как гудят ветрячки на доме.

Чумацкий Воз помаленьку-помаленьку опускал своё звёздное дышло вниз, уже начало сереть на востоке. Слабость, усталость охватили нашего Сиза. И тогда над его головой бесшумной тенью промелькнула кукушка. Сиз знал: это она напоминает ему — нужно быстрее возвращаться домой, к своему пню, ведь скоро рассвет. Да и Вертутий видел, что задерживать друга нельзя: когда бы только вышло солнце, они тут же попадали бы на песок и заснули, и уже ничто не разбудило бы их до вечера.

Быстренько распрощались. Вертутий помог спустить чёлн в Нижнее озеро.

Гасли звёзды в высоком небе, лёгкий туман курился над водой, и Сиз налегал на вёсла, чтобы до восхода солнца добраться домой.

У себя под горой он привязал чёлн. Закурил трубку. И с дымком отправился по лестницам вверх. Лестницы у него вели вверх, очень длинные, скрипучие, с маленькими лавками для передышки, с резными перильцами и столбиками, на которых висели фонарики. Сиз ступал неспешно, часто останавливался, заглядывал в каждый фонарик. «Ну что ж, пора спать!» — говорил светлячкам. И фонарики гасли, гасли за ним, погружались в седой предрассветный сумрак.

Сиз подошёл к крыльцу, ещё раз затянулся крепким табаком. И длинным чубуком тронул, остановил один ветрячок, тот, что крутился за ветром, а потом остановил другой, что крутился против ветра. Весёлое фурчание стихло. Добрых снов пожелал Сиз дому, ветрячкам, озеру.

Ступил на порог и вдруг...

Нет, это ему не показалось! Он увидел это очень близко: из тёмных кустов на него мигали, за ним следили два чьих-то хищных, настороженных глаза.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Плохие приметы: птицы и грибы убегают из леса. Всех собирают на совет к профессору Варсаве. «Вы умеете ходить по-королевски?»

— Дорогая Мармусия, — сказал Сиз XII после тяжёлого сна и по привычке потянулся к трубке. — Гляньте, прошу вас, что мне залезло в ухо. Что-то гудит и гудит, будто там сидят жуки и пиликают на скрипке.

Мармусия взяла пинцет (пальцами она никогда бы себе не позволила взяться за ваше ухо), оттянула волосатое Сизово ухо и заглянула. Кроме восково-чистой ушной раковины с маленьким пучком волосинок, она ничего там не увидела.

Положила пинцет и сдержанно, с большим достоинством попросила, чтобы Сиз и ей заглянул в ухо: что-то и у неё шуршит, совсем не даёт ей спать...

Сиз XII заглянул: в маленьком, как колокольчик, ухе его родной сестры было светло и розово, как в чашечке яблоневого цветка.

— Дорогая Мармусия! Могу вам твёрдо и искренне сказать, что в вашем ухе ничего нет, кроме запаха лучших юхландских духов.

На этот комплимент Мармусия холодно поджала губы и спросила: почему бы это второй день ей гудит, как ветром в свирель? Сиз и сам не знал, что это за наваждение.

Оделся, вышел из дома.

Раздавался над лесом вечерний звон пробуждения. Солнце уже село за гору, и темнота, голубая тишина охватили сосновые боры, далёкие дебри с туманом, с седыми стариками-бродами на болотах.

Но этот шум, это назойливое протяжное гудение, подвывание, перекликивание... Оно слышалось одну ночь, другую, третью. И доносилось неизвестно откуда, может даже от Щербатых скал. Теперь Сиз не просил сестру, чтобы она заглянула ему в ухо. Уже хорошо слышно было: всё в лесу зашевелилось. Поплыли чёрные тучи, а под тучами низко летели птицы, бежали зайцы, спасались кукушки. Кто-то видел, как перебираются на новые места муравьи, переползают целым полчищем. Кто-то заметил в лесу вспышку огня, чад и какой-то протяжный, скрипучий стон деревьев. А старый Лапоня прибежал и испугано рассказывал всем, что он видел он там, за березняком, как убегают ближе к озёрам грибы синюхи.

Тяжело плыли тучи, несло от Щербатых скал чем-то горьким, горелым — и лесной край охватила тревога.

Уж так издавна повелось у стоусов и триусов: в мирное время все смеялись над чудачком, над учёным отшельником Варсавой, пересказывали про него и про его парашютики множество былей и небылиц, а как только грянет гром над головой — все сбегались к нему.

Было так и на этот раз.

Мармусия снарядила брата в дорогу. Повязала ему тёплое кашне, причесала гребешком белые пышные усы и проводила к воротам.

Сиз XII пошёл, попыхивая трубкой, и, где попадались на тропе ямы и пеньки, подсвечивал себе гнилушкой-светляком. В первой же чаще он развязал кашне (внимательный глаз Мармусии уже не следил за ним), подкрутил усы и сказал: «Кхе-хе, добрый табак!» Он

глядел на высокие звёзды, на небо и был очень далёк мыслями от какого-то болотца, от колдобины, где мог запачкать себе башмаки, до блеска начищенные Мармусией. Шёл и думал: что же это гремит около гор? Неужели правду говорил старый Варсава, что в их долину вторгнутся какие-то дикие приبلуды-разбойники, вытопчут всю пушу и их мирные дома, чёрной тучей пепла засыплют озёра? Неужели такое произойдёт на их доброй земле?

Сиз нисколько ни удивился, когда увидел, что в Варсавином дворе полно народу.

Триусы и стоусы сидели на деревянных лавках под берёзой, где, как правило, проходило занятия в школе-лунарии. Сидел тут Хвороща (и лукаво прятал под мышкой рябую дыню-телёнка), сидел Вертутий, за ним — седой, тугой на ухо Лапоня, одним словом — вся лесное общество. А впереди, просто на земле, окружённый учениками-лунаристами, восседал босой профессор Варсава. Перед ним стояла воткнутая в землю сухая палка-рогулька, и на ней висело три пары очков. Их стёклышки вспыхивали под красноватым светом луны. А ещё на палке висел пучок сухих одуванчиков с белыми парашютиками, и ветер качал траву и разносил лёгкий пух над головами всего собрания. Про те парашютики как раз и ходило больше всего легенд. Говорили, будто профессор, где бы он ни был: в гостях за столом, на важных заседаниях, на осенних парадах — сидел и очень серьёзно дул, пускал над собой парашютики. Не знаю, правда ли это, но мне кажется, что выдумки, просто весёлые шутки стоусов и триусов.

Варсава терпеливо ждал, пока все рассядутся, потом кивнул лысой головой (а голова у него совсем голая, и только на её верхушке торчала тоненькая кисточка волос), кивнул важно и предоставил первое слово говорливому Хвороще.

— Собрание! — сказал Хвороща и воинственным жестом вытянул из-за уха петрушку. — Что я думаю про эти тучи, про это гудение и чёрные сверкания среди ночи? Я думаю, что это собирается великий дождь. И пусть он себе капает, пусть он себе льётся, как говорят, старую жабу водой не испугаешь, или лучше, где дождь, там и завязь, а где завязь, там и дыни. И слушайте, что я вам скажу по секрету: завтра, стало быть в воскресенье, у меня большой день — именины. Почтительно приглашаю вас, слышите, всех, приглашаю маленьких и больших, ко мне за стол. Гуртом друженько сядем и приобщимся до моего урожая, на то и воскресенье, чтобы есть урожай...

Тут Хвороща выкатил из мешка большую рябую дыню-телёнка.

Под берёзой словно зашелестели листья — все заулыбались; той перемигнулся, это тихонько толкнул соседа в плечо:

— Кто про беду, а Хвороща — про пироги на меду!

— Ага! Пришил кобыле хвост, а у кобылы и свой длинный!

Встал хмурый Вертутий, откашлялся, прогудел: не время перебрасываться шутками, смотрите — плохие, недобрые приметы на небе. И показал пальцем на лес, который тёмной, глухой стеной возвышался под нахмуренным месяцем.

— Разве вы не слышите, кхем? Там что-то чадит, или это так мхом горелым пахнет. Думаю, будет великая сушь. Дымятся болотные огни на торфяниках и бродах, всё к нам бежит — птицы, белки, куницы...

— И деревья недобро стонут. Сам слышал: ветра нет, а из сосны — такое тяжёлое, такое тягучее скрипение.

— Я иду, а оно как сверкнёт чёрным огнём, прямо над моей головой! Я так и присел. Глядь, а вся рубашка на мне обгорела, — шамкал беззубо старый дед Лапоня, до сих пор напуганный случаем в лесу. — Беда надвигается...

Все примолкли, встревоженно ожидали, что скажет учёнейший муж — профессор Варсава.

Профессор надел одни очки, на них другие. Третьи нацепил аж на кончик носа. И его

ученики-лунаристы сразу посуровели, подтянулись, все как один повернулись к нему, к своему учителю. А Варсава замер в глубокой задумчивости, устремив глаза в глубокое ночное небо. Потом заговорил тихим, на чудо спокойным голосом, но столько мудрости, столько пронизательности и значительности было в его негромкой речи!

— Почему плывут тучи? Почему стонут деревья? Почему сверкает огонь в лесу? Про это не знает никто. Когда никто не знает «почему», никто не знает и «что».

И словно поражённый его загадочной речью, где-то в дебрях леса блеснул огонь и гулом прокатился в тёмных пещерах ночи; а за ним послышалось грозное и тоскливое:

— Ов-ву!.. Ову-вов-воу! Рах, рах!

Это долгое тягучее завывание перепугало присутствующих.

Триусы и стоусы повскакивали с лавок.

Тогда и пыхнул трубкой Сиз и глубокомысленно произнёс:

— Раз мы не знаем «почему?», то кому-то надо идти. Думаю, что именно мне. Туда! — и он ткнул трубкой в лес, на Щербатые скалы, где и прокатился гулом резкий запах огня.

Больше Сиз не проронил ни слова. Пригнулся, зашнуровал башмаки и зашагал по тропинке. В тёмную потревоженную ночь, где творилось что-то недоброе.

— Дядька Сиз! Дядька Сиз! — закричал вдруг Чублик и кинулся за ним. — Я с вами! Возьмите меня, я с вами пойду!

Всё собрание стояло над лавками, из леса потянуло чёрной гарью, а двое, да ещё луна над ними, качаясь, словно лодочки, побрели тропинкой, невысоким соснячком, а потом углубились в чащу.

Могучие сосны стояли в лесу рядами, будто высоченные колонны. Хвоя наверху сливалась в цельный тёмный шатёр, но всё же кое-где пробивался свет луны, и тогда от сосен ложились на землю длинные ровные тени, а Чублику казалось, что это лежат, притаившись, какие-то лесные богатыри-воины. Идти под соснами легко, глазам открывались широкие прогалины, и Чублик, поддавшись весёлому настроению, вдруг спросил:

— Дядька Сиз! А вы умеете ходить королевским шагом?

— Как, как? Я что-то не расслышал.

— А вот так: парадным королевским шагом!

Без долгих разговоров Чублик показал: легко, словно птица, запрыгал на тропинке; одну ногу он высоко подкидывал вверх, а другой делал два притопа:

— Оп-ля-ля! Оп-ля-ля! Попробуйте! Тело будто летит в воздухе!

— Хе-хе!.. Попробую. Как там говорится: убежать не убежим, а побегать можно. А ну, а ну же: оп! Нет, не с той ноги начал: оп-ля!.. Хе! Оп-ля-ля!

— Давайте вдвоём! Вашу руку: оп-ля-ля! Оп-ля-ля!

— Гляди! Я и не знал — словно крылья вырастают за спиной!

— Оп-ля-ля!

— Оп-ля-ля!

Они взялись за руки и полетели, попрыгали по дорожке, один молодой и щупленький, как кобчик, а другой — толстый, с белыми пышными усами, плотненький человечек, в кашне, в башмаках, как гриб моховик.

— Оп-ля-ля! Оп-ля-ля! Вы знаете, мы все в Лунарии ходим королевским шагом. И профессора Варсаву научили! Теперь он подходит к нам только так: оп-ля-ля! Оп-ля-ля!

— Ну подожди. Я немного утомился! Фу-у!..

Зашагали помедленнее. Сиз снял кашне и, чтобы оно не мешало ему, привязал бантом

на ногу.

— Славно мы прошлись! Аж вспотел я, ей-право! А скажи, Чублик, профессор Варсава, он это... Что он показывает вам на этих парашютиках?

— О-о-о! — загудел Чублик и глаза поставил острыми сливками. — Наш профессор... Вы видели сухой козлобородник? Парашютики у него длинные-длинные. Ну вот, вы пускаете один парашютик, а луна вам светит, а вы идёте между деревьями, а он летит над вами, летит хохолком вверх, ровно, тихо летит и садится непременно там, где влажная земля, и непременно зёрнышком в землю. Хитрый, шилохвост! А теперь возьмите парашютик-крылатку из клёна. Этот просто падает вниз на землю. Падает и быстро-быстро вертится, как мельница, и описывает так вот и так, выкручивает следы. А возьмите с липы — этот штопором в землю, а с горчака — летит и подсакивает, а с тополя — ого, на край света может полететь за ветром.

— Ну хорошо. Вот вы ходите за Варсавой и дуete на белый пух, всё пускаете парашютики и что-то там шепчете к луне: мол, лети, лети над лесом. И как? Что это вам показывает?

Ну-у-у! — ещё больше удивился Чублик. — Оно нам показывает такое, оно такое нам показывает, что голова кругом идёт! Слушайте! Вот мы дунули разом — и облако парашютиков взлетело до луны и тут... Падают, падают, крутятся перед глазами... так завертят, закрутят свои следы, что я сам, бывало, закручусь, упаду и думаю: как же его распутать? А вы спрашиваете!

— Ага, Чублик! Мы, кажется, тоже заплутали, сбились с дороги. Здесь должна быть тропка к Кабаньей речке. Стой, я сейчас посвечу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Обугленные деревья. Страшная стая, что пробивает себе дорогу в чащах лбами. Бегство, погоня, подводное путешествие

Сиз вытащил из кисета гнилушку, посветил над землёй. В густые кусты, вниз, вела не очень заметная тропка, протоптанная дикими кабанами к речке. Они пригнулись, продрались сквозь кусты, забрели в какое-то болото. Хорошо, что буря или ветер повалили старое трухлявое дерево. И по гнилому бревну они перешли Кабанью речку, а дальше вступили в глухой, дикий лес, куда стоусы и триусы не очень любили заходить. Тут в болотах и чащах пропала не одна невинная душа.

Лес стал гуще, угрюмей, больше бурелома валялось на земле, всё тут лежало в беспорядке и давно обросло толстым слоем мха.

— Не беги, — попросил Чублика Сиз. — Мне что-то натёрло ногу.

Сиз опёрся рукой на ствол сосны, хотел поглядеть, что ему нестерпимо давит в пятку. И вдруг... Высокая сосна (от лёгкого прикосновения!) посыпалась на землю, как порошок. Сиз не поверил своим глазам. Так и стоял с протянутой рукой, упираясь в тёмную пустоту. А сосна рухнула на землю, осела, и на её месте выросла куча чёрной гари. Да ещё горькая перегорелая пыль тучей висела над ними. Обоим запершило в горле, они переглянулись: что за диковина? И только сейчас заметили, какой вокруг чудной лес. Словно засохший. Словно он окаменел, или ещё что.

Стоусы прекрасно видят ночью, а слух у них острее, чем у совы. Когда они пробирались к речке, Чублик не раз выкрикивал: «О! Там, слышите? В гнезде! Пятеро птенцов проснулись!». Потом бежал дальше и настораживался: летучая мышь пролетела! Треснула куколка под корой! Паук упал с ветки на свой плетённый гамак и тихо качался. Лес жил своей обычной, потаённой, недремлющей жизнью. А сейчас что-то в нём стихло, заоченело. Деревья стояли густо, как всегда. Но птиц не слышно. Не шевелились в дуплах дятлы. Не точили кору древоточцы. Наверное, именно отсюда всё убежало из леса — даже гусеницы, даже грибы.

— Дядечка Сиз, смотрите, — прошептал Чублик. — Вон в том дупле... бельчата... они неживые... кто-то их спалил.

Чублику сразу вспомнились давние-давние разговоры про какого-то страшного приبلуду с мёртвой пастью, про то, как он дул в дупло — и птенцы сразу гибли, как трогал лапой дерево — и дерево вмиг засыхало и цепенело. Неужели это правда?

Вдвоём они подошли к той осине, в которой чернело дупло. Осина стояла как осина — с живой корой, с раскидистыми ветками, с мелкими листьями, которые и без ветра тихо трепетали. Сиз осторожно тронул её рукой — осина с сухим шелестом повалилась наземь. И они увидели: вся середина выгорела. Так выжигает дерево удар молнии — огонь пронизывает ствол от верхушки до низу; всё нутро выгорает, хоть дерево стоит и издалека кажется живым.

Долго блуждали Сиз и Чублик тем страшным лесом. К чему бы они не притрагивались — к липе, лещине, клёну, — всё осыпалось, дымилось, ложилось угольно-чёрным пеплом.

— Кошмар, чёрный сон, — шептал Сиз. — Кто выжег деревья? И оставил лес, чтобы он так стоял, будто бы живой. И даже листья висят — зелёные, а тронь — сыплются.

«Кр-р... Ку-а-а!» — вдруг закричала над ними чёрная птица, быстро пронеслась вверх, между обугленными соснами.

Сиз от этого наглого крика встрепенулся, стал напряжённо вспоминать: где он видел, где он слышал такую птицу? Что-то у него забрезжило в памяти — этот зловещий крик, этот размах сильных и хищных крыльев... Так, так, кажется, там было, в джунглях — Куа, огни в темноте, голос из потёмок. Ночная птица, предвестница зла...

Сиз пригнувшись стоял, а Чублик нетерпеливо дёргал, тормошил его:

— Дядька, дядька, гляньте туда. Кто-то подкрадывается... к нам!

Между обгорелыми деревьями — с той стороны, куда полетела птица, — перебегали косматые тени. Промелькнула одна тень, за нею другая, потом ещё. Стали, притаились за стволами. И вдруг Чублик глянул и оцепенел: прямо к ним шлёпало высокое долговязое страшилище. Медведь не медведь, будто с человеческой головой. Оно чем-то тренькнуло, кинуло что-то от себя — и в ту единственную живую сосну, под которой они стояли, с треском ударилась стрела. Брызнул чёрный огонь, загудело пламя, и словно закрутился, завертелся адский бурав, выедавая всю сердцевину сосны — от её верхушки до корней. Сосна загудела и окостенела. Она стала твёрдая, как графит. Хвоя на ней звенела, как проволока.

Сиз почувствовал, что и на нём рубашка немного опалилась.

— Ага, вот где они, двое карликов, — заготовал один страшила. — Спрятались под деревом! Как болотные мыши! Ловите их! Ловите их! Сейчас мы их поджарим на огне!

Страшила махнул рукой — и десяток или два мохнатых здоровил, тяжело переступая ногами, двинулись к ним. Видно, они хотели взять Чублика и Сиза живыми. Сухие, обгорелые палки на земле трещали у них под лапищами.

Чублик и Сиз со страхом глядели, как приближаются страшилища, и не в силах были пошевелиться. А вокруг трещало. Приблуды обходили, окружали их.

— Дядька Сиз, бежим! Они же нас съедят!

Кто знает, или Чублик это выкрикнул, или просто подумал про это, но вдруг их дёрнуло в сторону. Они со всех ног вдвоём, словно зайцы, кинулись в кусты, запетляли, стремглав перепрыгивали через пеньки и колоды. Сухие и колючие ветки били и хлестали им в лицо, рвали на них одежду. А страшилища с криком и диким воем гнались за ними.

И что за наваждение!

Тут же, прямо на глазах, они меняли облик. То бежали, будто медведи, то вдруг переменялись — и гнались уже как орда воинов-кочевников в шкурах-накидках, с луками и стрелами за плечами. Как, откуда они взялись в этом добром грибном лесу? Из какого тёмного царства выползли?

Сиз упал, Чублик ещё немного пробежал и провалился в яму. Он и не разглядел, как следует, что это за яма — дождевая выбоина или, может, берлога. Он лишь подумал: «Сиза сюда! Скорее! Тут спасение!» Вырвался, нащупал Сиза, но поднять не мог, не осилил, просто покати́л его, свалил в тайник.

Только они попадали и вжались в землю, как над ними затрещало. Здоровилы в шкурах-накидках один за другим перепрыгивали через ров и мчались дальше. Бух! Бух! — тяжёлый гул катился лесом. Это мохнатые разбойники — лбами! — били с разгону в деревья, и опалённые стволы падали ниц, будто их кто-то валил огромным молотом.

Дикая стая бежала, и каждый проламывал за собой целую просеку, уничтожал и топтал всё под собой.

— Где они? Где? Мы их загубили! — страшным рыком откликнулся один

воин-страшила, величайший во всей стае. — А ну, все назад! Перенюхайте землю, а чтобы нашли их!

Мохнатые увальни повернулись и все, как быки, загребли лапами землю, копали, нюхали влажные листья.

Хорошо, что рылись они в пуще, за деревьями и не видели двоих несчастных, которые притаились в яме.

— Дядечка, где-то тут речка, давайте туда... под воду.

— Ох, не могу, Чублик. Ногу... Ногу я подвернул.

— А вы хоть ползком. Опирайтесь на меня. И быстрее, дядька, слышите!

Он подсадил Сиза — и они поползли. Канавкой, под колючими батогами ежевики, которая впивалась им в тело, через какое-то вязкое болотце. Тяжёлый кругленький Сиз постанывал, за что-то цеплялся, говорил — не доберётся. Но вот в кустах туго забила, заплескала речка, и они быстрее поползли на четвереньках.

— Пригибайтесь, дядька, пролазьте сюда, под этими брёвнами...

— Лови их! Они где-то тут! Чуете! Грибным духом пахнет!

— И дынями! — рыкнул косматый верзила.

А за пенёком — вода, спасение! Ещё немного ползком, ещё немного пролезть... А там с высокого подмытого берега — бултых в воду! Боком, неуклюже они свалились в речку. Попадали, и оба притаились.

Здоровилы столпились над берегом, раззявив свои пасти.

— Где они? Куда они исчезли? Утопились?

— Нюхайте, нюхайте воду, увальни! Ищите их!

Чублик знал: лесная речка вся в корягах, в гнилых сучковатых корнях; надо свернуться калачиком, руки и ноги подобрать под себя — и пусть течение несёт, пока не зацепит за что-то, а там — выпутался, глотнул воздуха — и дальше плыви. Если нужно, Чублик мог взять камышинку и притаиться на дне, дышать через трубочку, он умел это делать. А вот дядька Сиз...

Чублика несло под водой, как улитку, а Сиз XII зацепился за первый же пенёк на дне. Вылез по пояс из воды, забарахтался. И тогда снова над его головой (кто знает, откуда она взялась) страшным криком прокричала Куа.

— Ага! Они там! — заревели увальни. — Догоняйте! Ловите их!

И снова слышалось: бух! Бух! Мохнатые лбами сбивали деревья и неслись напролом по-над берегом.

Сиз XII булькнул мокрой трубкой, выплюнул воду, которая набралась ему в чубук, и сказал: «Ныряю! Раз, два!» Сложил на животе руки, зажмурил глаза и нырнул. Его понесло водой, как бочечку, качало и вертело — то боком, то вниз головой, то вверх ногами, как придётся. Из воды раз за разом выглядывали или его башмаки (подошвами вверх), или встопорщенные усы, или круглая, надутая пузырьём рубашка.

Куа летела над ним и пронзительно каркала, а берегом топотали, неслись ватагой здоровилы, сбивая на пути деревья.

Добрый десяток их, уморившись, кинулся на ходу к маленькому озерцу, чтобы напиться воды. Но вот страшная невидаль: чистой воды они сторонились, не хотели пить. Захрапели, сыпанули чёрной сажки в воду — и вот озеро стало густым и тёмным, как дёготь. Увальни и выхлебали разом ту чёрную воду, утёрлись лапами, а затем бегом над речкой за двумя бедолагами.

Сиз будто догадался, что их и в воде преследуют. Он вдруг сник, не переворачивался больше, притонул на дне. По воде плыл какой-то небольшой тёмный сучок, из которого выходили мелкие пузырьки воздуха. Никто из увальней и не догадался (да и темно было), что

это Сиз плывёт себе и дышит через трубку.

Птица ещё два раза пронеслась над речкой, со свистом рассекая воздух. Что-то крикнула на мохнатых чудищ, и те вместе повернули в чащу.

А лесная речка бежала и бежала дальше, постепенно становясь шире, спокойнее, светлее под берегами. Лес расступился, открывались широкие поляны, полные лунного свечения. Дохнули росой и ночным туманом луга, и вот уже близко — под красной луной — заблестело первое озеро, Нижнее.

... В зарослях осоки, на песчаной отмели, сидел в челне старый глуховатый стоус Лапоня и дремал над удочкой. Не клевало. Деда пробирал холодок, дремота — видно, луна скоро спрячется, и короткой летней ночи конец. А улова нет... Но вдруг сквозь сон он услышал: что-то тяжело бултыхнулось и погнало волну на берег. Открыл глаза. Из воды лез (и не просто лез, а на четырёх лапах) огромный сомик. С усами, с чёрно-зелёным хвостом — и откашливался: «И-и-их!» У старого затряслось всё тело: этот сомик стал на ноги и поковылял на сушу.

Лапоня кинул удочку, выпрыгнул на мель и, взбалтывая воду босыми ногами да приговаривая: «Сгинь, сгинь!..» — пустился в густые камыши.

— Дядька Сиз! Дядька Сиз! Смотрите, как мы старого Лапоню напугали! Он, наверное, думал, что мы водяные.

Чублик упал на песок и, как рыба, тяжело зашлёпал ртом. Ведь что не говори, а через камышину в воде не очень надышишься. Упал около Чублика и Сиз XII. Мокрые его усы сразу уткнулись верёвочками в белый песок. Он дышал ещё тяжелее, и тугой животик у него то опускался, то поднимался подушечкой.

Сиз лежал и испуганно думал: что это за чудища, что это за обгорелый лес, откуда взялась эта хищная птица? Он был в плену этих невесёлых мыслей, а Чублик оттопырив губу, смотрел на Сиза и вдруг засмеялся:

— Дедушка! Вы когда упали в яму, вы и тогда не выпускали трубку. В зубах, вот так держали! Вы что, и в воде держали её?

— И в воде.

— А как же вы дышали?

— А так и дышал. Через трубку. У меня чубук вон какой длинный!

Сиз с гордостью её чмокнул. И снова забулькала, потекла ему в рот рыжая водичка. Он в сердцах сплюнул.

— Айда домой, ведь скоро рассвет! Надо наших оповестить: беда. Какие-то разбойники объявились в пуще!

Они встали и пошли по-над речкой, в широкие луга, на лунное сияние, которое колыhalось, играло на озере. Начались родные места — рощицы, орешники, светлые поляны, где триусы и стоусы собирают грибы и ягоды. Сиз подкручивал усы и прихрамывал меньше, говорил, что в холодной воде, на родниках, ему немного отпустило ногу. А скоро они увидели такую до боли знакомую картину: тёмный берег, лодочка на привязи, длинные деревянные перила, над которыми горели светлячки-фонарики. И там, около ворот, стояла высокая одинокая фигура в чёрном, сложив руки на груди, и кого-то ждала из леса. У Сиза быстро-быстро забилось сердце: это высматривала его милая и добрая Мармусия!

Они подходили к дому, когда снова — в который раз за эту ночь! — пронеслась над ними черноклювая птица и крикнула:

— К-к-куа!

Повернула, кинулась на них с неба. Казалось, хищным глазом она хотела заглянуть им в очи, чтобы запомнить их обоих навеки. Круто неслась сверху, развернув сильные крылья, как вдруг что-то кинулось ей навстречу. Кинулась Сизова кукушка, маленькая и тёмная, как комочек. «Сомнёт, снесёт её Куа», — подумал Чублик. А кукушка неслась, как кусочек камня, целясь собой прямо в сердце Куа. И хищная птица перед ударом кукушки вдруг нырнула вбок, вскрикнула и, будто окончив полёт, резко скрылась вверх.

«Удрала, удрала, злобная птица!» — радовался Чублик, радовался и не верил себе. Кукушка, такая маленькая, прогнала прочь такую здоровенную лютую гарпию! Сиз был очень рад, он и понятия не имел, что если Куа провела их до самого дома, то так просто уже не отстанет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Странный гость-посетитель, из которого сделалось двенадцать. Нападение и наглое похищение Сиза

После тяжёлого лесного похода Сиз упал на диван и сразу же заснул тревожным сном. Но и во сне виделись ему страшные мохнатые чудища, била крылом над ним чёрная птица.

Сиз проснулся. Перед ним на ковре стояли, задрав носки вверх, словно призывая его в дорогу, начищенные башмаки. Сорочка, штаны, подтяжки, кашне — всё было выстирано и заботливой рукой Мармусии сложено на спинке кровати. Никто бы не сказал, что эта одежда была вчера вся в грязи, в песке, в речном иле, а к тому же ещё и немного подпалена в лесу огнём.

Сиз кашлянул, закурил трубку и невесело замурлыкал песню:

*Когда король собрался в поход,
Жена вытирает слёзы...*

Отворил музей, зажёл над входом оба фонарика и глянул на звёзды, на небо, на лес. Из тёмного леса выходили тучи, тревожно гудели деревья, и низко летели три птицы, тонким писком переключаясь между собой. Они убегали и словно ещё кого-то звали за собой, тихо и жалобно.

«Кхем, снова там гуляют разбойники!» — сказал Сиз про лес. Однако ему подумалось, что тот гул и чёрный огонь прокатятся где-то далеко, за скалами, и к их домам не повернут. Стоусы никому на свете зла не причиняли, так кто и с чего будет нападать на них?

С такой мыслью Сиз XII зажёл свет в музее, и вот глядь — перед ним стоял уже первый гость. Вырос будто бы из-под земли. Видно, гость издалека и одет немного необычно — в чёрном плаще-накидке. Высокий воротник и низко надвинутый берет закрывали почти всё лицо, так что глаза его выглядывали только в узенькую щёлочку.

«Ты смотри, он ещё и в бер-р-рете!» — резко, по-птичьему прошептало что-то Сизу на ухо. Сиз повернулся, но никого около себя не увидел. И кукушки поблизости нигде не было видно.

Набил трубку и сказал:

— Прошу! Первый зал. Светлячки, которые встречаются нам в лесу прямо на земле.

Длинным чубуком, как указкой, он начал показывать гостю свои сокровища — гнилушки, трухлявые корешки и кору, истлевшую сердцевину пней. Но что это? Понизу так и тянуло, так и веяло холодом — и словно бы от гостя. Гость стоял поодаль, чёрный и слишком высокий; он кивал головой, говорил: «Рах, рах! Чудесно, чудесно!» — но слова его были какие-то холодные.

— Мармусия, принесите мне, прошу вас, тёплые туфли, ведь мне что-то морозит ноги.

Сиз XII показывал дальше, он понемногу увлекался, забыл и про тревогу в лесу. Однако услышал за спиной твёрдый шаг: это подступил к нему гость. Повеяло ещё большим холодом, и тогда над Сизом, а вернее, между Сизом и гостем, как тень, пролетела кукушка.

— Прошу вас, второй зал, — пригласил Сиз. — Подземные светлячки: личинки, очень симпатичные червячки, исключительно интересные семейки червячков...

Сиз оглянулся. И прикусил трубку. Вместо одного гостя — стояло уже два! Одинаковые, в чёрных плащах-накидках. И руки оба прятали одинаково за спиной! Словно один разделился на двух или у Сиза двоилось в глазах. Ходили двойники в ногу, один за другим, ступали за Сизом вроде и тихо, но шаги их твёрдо и деревянно отдавались в коридорах.

— Третий зал, жуки-светлячки...

Сиз повернулся: из одного гостя — уже три. Что за наваждение! Три одинаковых высоких фигуры. Стоят они в затылок один другому. Чёрные накидки, руки за спиной, а в глазах какой-то быстрый потаённый отблеск. Кажется, они переговаривались между собой.

В четвёртом зале — четыре! Так, так, из одного их стало уже четыре!

Сиз присел, чтобы показать им рыбу с хитрым фонариком на носу, как вдруг — в четыре ноги — стукнули за спиной шаги. Четверо в плащах-накидках почти склонились над Сизом, в глазах — вспышка и острый отблеск. И тут, как посвист косы, пронеслась между ними кукушка. Четверо сразу отстранились и застыли в позах королевских стражников: не гости, а холодная бдительность и строгость!

В пятом зале их стало пять!

В шестом — шесть!

В седьмом — семь!

Как, откуда они выныривали, может, они раздваивались или растраивались, Сиз не мог уловить глазом. Только отвернулся — и уже стоял новый гость, в затылок первым. И не холодом, а уже морозом тянуло от них.

В последнем зале, двенадцатом, их стояло за спиной Сиза ровно двенадцать. Чёрные плащи, береты, словно забрала, опущены до бровей, руки у всех за спиной.

Добрый славный наш Сиз и не знал, какая опасность нависла над ним! Он спокойно разжёл трубку, пустил дым кольцами и подвёл гостей к тому кальмару, который выбрасывал в воду облачко света:

— Позволю обратить ваше высокое внимание...

Эти слова так и застряли у него в горле. Потому что вдруг — хоп! — двенадцать кабальеро разом подступили к нему и вмиг накиннули ему на голову чёрный мешок. Что они прижали перед тем Сизу к носу, трудно сказать. Дали понюхать ему что-то приторно-сладкое, клубок влажной ваты или мха, и от этого дурманного зелья Сиз сразу провалился в глубокий сон. Правда, сон был какой-то причудливый: он спал, а всё хорошо слышал. Двенадцать кабальеро сказали: «Рах! Рах! Взмайте его на плечи! Понесли! Тихо, чтобы не услышали стоусы!»

Но всё же, как тихо не старались они ступать, в подземных коридорах звучал грохот их деревянных каблуков. Сиза взяли на плечи и куда-то понесли — в завязанном мешке, головой вперёд. «А ну же ведь... позвать Мармусию... Или дёрнуться, вырваться и наутёк — к своим!..» Он подумал про это вяло, холодно и равнодушно, ведь всё спало у него — и тело, и мысли. Кроме лишь слуха... Сиза несли, а он — на каком-то повороте в коридоре — почувствовал: что-то легонько шевелится около него в мешке. Прямо перед самым его лицом, губами можно коснуться — крыло, мягкое, ласково-тёплые перья... Кукушка! «Ты и тут со мной, моя сизая голубка! Ну что ж, постранствуем вдвоём». А ещё он подумал: «Эх, табачку бы мне щепотку, да закурить. Потому что дорога, видно, невесёлая и нелёгкая будет».

Он почмокал во сне губами, воображая вкус дыма, а его несли дальше завязанного в мешке, как ребёнка.

«Гуп, гуп, гуп!» — двенадцать похитителей поднимались вверх из музея. Сейчас они проходили, наверное, комнату Сиза, где стоял мягкий диванчик и где валялись древние книги.

«Рах!» — сказал один из похитителей и сбил рукой фонарик над входом, а заодно и мельничку с пенька. По-злодейски оглядываясь, шли они с Сизом на плечах до ворот, затоптали лестницами к озеру. Дальше, по всем приметам, подались по-над берегом, ведь под ногами у них на двенадцать голосов заскрипел песок.

Теперь повернули, без сомнения, в лес. Сиз услышал над головой шум, а потом треск — двенадцать продирались напролом, валя дубки и берёзы. Когда они перекидывали Сиза с плеча на плечо, тревожно билась в мешке кукушка и опускала крылья, словно тем заслоняла Сизовы глаза, мудростью которых она всегда восхищалась.

Казалось, прошло несколько часов, и вот прозвучал сбоку очень знакомый мощный голос:

— Кха-кхем! А ну, Чублик, поддержи свёрток, я хотел подарить Варсаве эту новую мельничку! Держи! Гляди: что это за голубчики? Несут! Откуда, куда несёте? Стойте, замрите, вам говорю! Гляди, что делается: среди тёмной ночи грабят! Наверное, дыни у Хворощи унесли, а! А ну, вытряхивай мешок! Сейчас же, кому я сказал! Чублик, позови наших людей с поляны.

Слышно было, как Вертутий выломал палку и, грозно кашлянув, тучей надвигался на них. А Чублик метнулся звать своих.

Двенадцать, что на какой-то миг притихли, сразу ударили каблуками в землю и так замолотили ногами — пыль стояла за ними! Боялись, боялись они толпы стоусов! Трещали кусты, бился мешок об деревья, падали под ноги брёвна, а они гнали, гнали вперёд, как стадо бизонов.

— Стой! Лови их! — гремел издалека голос Вертутия.

Двенадцать мчались стремглав, и мешок то сползал, то аж подпрыгивал у них на плечах. «Ага, — размышлял сонный Сиз. — Сколько они шишек мне набили? Вот на лбу — раз, два... пять, с грушу величиной. Один синяк на носу, одна шишка за ухом... Ай! Чтоб вы скисли — ещё одну шишку вклепили!»

Мешок тряхнуло и ударило о пень и тут же подкинуло вверх. Сиз простонал и забеспокоился: не придушили ли его бедную птаху? Кукушка легонько пошевелила крылом. «Ага, ты ещё живая, моя сизая голубка! Вот и хорошо, поехали!»

Несли их долго. Через какую-то речку и болото, через мостик, а дальше загромыхали под ногами камни, и мешок тащили куда-то на скалу, а может, на крутой холм. Но страшней всего было для Сиза, когда его раскачали и он думал, что уже смерть ему, что сейчас кинут его с кручи вниз головой. А мешок раскачали и швырнули куда-то в небо, и кто знает где, за широкой расщелиной, с гоготом поймали другие лапы. Ещё немного пронесли по скале, и тут запахло таким противным духом, что Сиз и сонный чихнул.

Видно, тут был табор или стойбище этих косматых увальней-разбойников.

Прокатился трубный гомон, скрежет камней под ногами. Чуть подальше, было слышно, веселилась бравая компания, там дружно гоготали и обгрызали кости и пробовали во всё горло распевать песню:

*Кто в горах — рах, рах!
Валит скалы в прах, прах!
Мы!*

Сизу сразу вспомнились обгорелые деревья, мёртвые бельчата в дуплах и на земле. «Пируют, злодеи!» — невесело подумал он.

Потом все стихло. Громыхнули каменные ворота, с дымом и шипением в пазах отворились.

— Рах! Рах! — грозно прозвучало в ущелье.

Двенадцать вытянулись, ударили каблуками в каменный пол и понесли Сиза на вытянутых руках.

— Стой! Кто идёт? — грозно останавливали их на каждом шагу.

— Рах! Рах! — отвечали двенадцать, и их пропускали дальше, в чёрные каменные пещеры.

Но вот они бросили мешок на землю, наверное, кому-то под ноги («Чтоб вас провалиться!» — застонал Сиз), и один из двенадцати, как из пушки, выпалил:

— О великий сокрушитель скал и сжигатель лесов, сильнейший и храбрейший царь под землёй и на земле, наш бессмертный Магава Первый! Твоё повеление мы выполнили: вот около твоих ног тот жалкий карлик, что хотел разведать «почему?».

— Рах! Рах! — будто железом заскребло о камень.

Кто-то тяжко шевельнулся и упёрся взглядом в своих подданных.

— А где тот меньший карлик, который тоже осмелился ступить с ним за речку, в мои владения? — громыхнуло каменным голосом.

Нетрудно было понять, что это откликнулся в гневе не кто иной, как сам Магава Первый.

Долго-долго висело грозное молчание, даже камень крошился под взглядом Магавы. Снова рахнуло и заскребло над головами, и на гневный жест вождя сонм двенадцати быстро забормотал про то, что они, недостойные подданные, всё сделали, чтобы выполнить повеление сокрушителя: семнадцать раз обежали вокруг озера, хотели сразу и немедленно схватить меньшего карлика, но схватить его было никак нельзя: он сидел в воде, в лодке.

А вода...

И тут Сиз услышал про воду что-то очень диковинное. Выходит, «сокрушители» больше всего боятся живой воды, боятся её, как буйного огня. Потому что, кажется, им праматерь, какая-то пещерная Гаргара, что похищала людей, сказала: «О мои любимые каменные дети! Никогда и нигде не приближайтесь к воде — вода для вас опасна, она вас поглотит и утопит. Никогда и нигде не касайтесь живого огня, он вас спалит. Ходите сушей, ходите скалами и лесами, несите на стрелах чёрный огонь, а в сердце пещерную бесстрашность — и вас никогда и никто не победит, ни под землёй, ни на земле».

Сиз хоть и спал, но тут насторожил уши и стал потихоньку мотать себе на ус про ту живую воду и страшный для них белый огонь. А что это за «сокрушители», что это за злая сила и как от неё избавиться, — про всё это ещё нужно было хорошенько подумать и поразмыслить.

Одним словом, выходило, что меньшего карлика (а Сиз догадался, что так называли Чублика) разбойники так и не поймали.

Магава Первый долго и грозно дышал, гоняя перед собой ветер.

Наконец приказал:

— Киньте его в тёмную яму-пещеру, развяжите его и следите в два глаза, чтобы было рах-рах! А завтра — на допрос.

— Рах! Рах! — ответили двенадцать.

Сиза потащили в мешке и кинули в какую-то чёрную яму. «А развязать? — забурчал сонный Сиз. — Что ж вы, злодеи, не выполняете приказ своего же повелителя?»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сиз в яме. Разговор двоих стражников — болотного и пещерного. Кое-что интересное про Магаву и его соплеменников

— Да ну его к лиху! Не будем развязывать. Пусть так посидит, спокойнее нам будет. Не убежит, — сказал один из подданных, тот, что кидал Сиза в яму.

Слышно было, как они прикатали два здоровенных камня, загородили с боков вход и уселись тут же сторожить.

Один из них зевнул, аж захрустели косточки: видно, здорово хотел спать!

— Слушай, Квасило, — зевнул теперь другой. — А из какой бочки ты наливал сонного зелья? Из дубовой или из берёзовой?

— А кто его знает! Темно было, и я налил из той, какую нащупал в пещере.

— Да ты что? Ты знаешь, что ты наделал, рябой телепень! Надо же из дубовой было, там зелье усыпляет и слух отбирает. А из берёзовой — наоборот, спишь и всё отлично слышишь.

Тут стражник перешёл на тихий шёпот и испугано вымолвил:

— Рах-рах... Если ты из берёзовой налил и усатый карлик все отлично слышал и подслушал наши секретные разговоры — пропали наши головы, Квасило... Только узнает Магава, тут нам и конец!

— А ты не будь дурнем, вот что, Дрыгайло! Прикуси язык, вот и не узнает.

Они примолкли. И сперва один, а потом другой отчаянно заскребли затылки, видно, очень им зачесалось в затылках и очень было жаль расставаться с такими замечательными головами!

— Давай лучше развяжем усатого, вдруг ещё пожалуется на нас.

— И на кой чёрт мы забились в эти гибельные леса! Вот скажи: был я честный болотный страшила. Батка мой звался Квасило, и я звался Квасило. Ловили мы себе жаб — свеженьких рябук и кумок, прыгали с куста на куст, пускали носом туманы и вот... Эх, не жизнь была — рай! А тут... Послушал дурней, нанялся, напаялил на себя вашу пещерную шкуру и теперь... Гоняй лесом, как пёс, вали головой деревья и кого-то там лови вокруг озера. Что он тут ищет, ваш сокрушитель? Что ему нужно на этих поганных озёрах? А, Дрыгайло?

— А ты что, не знаешь?

— Не знаю! Вот не знаю и всё!

— Тёмный ты, Квасило, как ваше болото! Может, ты ничего не слыхал про наше пещерное царство и про наши великие походы в подземных катакомбах?

— Да что-то немного слыхал.

— Что-то немного! Слушай, Квасило, я тебе открою великие секреты. Только же смотри — никому ни слова. Хорошо? Ну вот, слушай: под скалами, на страшной глубине, где никто не бывал с вашего белого свету, родились мы, пещерные сокрушители. И только мы родились, только поднялись на лапы, как сразу стали под стяги, сомкнулись в грозные полки. А ты потрогай меня, Квасило, ты попробуй, какие мы сильные и крепкие: шерсть у нас проволоочная, тело — из пещерного камня, а зубы кремнёвые: рах, рах! И есть мы страшно хотим — аж скалы грызём! Съели мы под землёй всех червей, съели пещерный мох, съели все начисто, и тогда Магава повёл нас в гроты Слепого нетопыря — и мы там хорошо

лапы погрели: всех нетопырей задушили и зажарили! А оно только начинается, оно ещё больше хочется, дух завоевательский нас распирает! И мы двинулись глубже, в глубинные пропасти, где прячутся чёрные совы и двухголовые упыри. Ох и погуляли мы там, ох и отвели свою душу — все ободрали и загубили, все сровняли и засыпали камнями. И когда в нашем царстве, в пещерах, стало тихо и глухо, мы вдруг завывали от страха и голода: есть!.. А кругом — черно и пусто, затоптано всё.

Не мы, а уже словно сама бездна завывала, загудела тьма. И тогда грозно прикрикнул на нас Магава. Он сказал: «Рах, рах! Не войте, пещерники! Я поведу вас вверх, под скалы, в новый, верхний мир. Там побывал мой брат-кремнезуб, его звали Мёртвой Пастью, он давно разведal для нас: за Щербатыми скалами есть долина, в той долине живут лесные человечки, и растут там зелёные деревья, и птиц множество водится. Там будет для нас еда и земли — за сто веков не разорим!»

«А вода, а белый огонь?» — тихо спросили мы и вздыбили шерсть. Ведь кому из пещер, из вечной темноты хочется лезть в воду? Под слепящий огонь, чтобы найти себе верную погибель? Ты же слышал, брат Квасило: нас, пещерников, вода сразу тянет на дно, а огонь вмиг слепит!

— А что же Магава? — спросил простодушный Квасило и повернул ухо к своему говорливому другу Дрыгайле.

— Магава! «Не бойтесь! — крикнул на нас Магава. — Что нам живая вода? Где остановит нас река, там достанем врага копьями. А будет у них белый огонь... На их белый огонь мы найдём чёрный!»

Магава хлопнул в ладоши — и вот привели к нему мудрейших колдунов. А ты знаешь, брат Квасило, какие у нас колдуны, — они всё умеют. Возьмут нашего брата, пещерника, и превратят его во что угодно — в пень, в бревно, в маленького подкаменного таракана.

Послал Магава в глубь пещер колдунов, туда, где гремят подземные громы и где кипит смола. И принесли они чёрный огонь — тот, что горит в пещерах и от него ещё темнее и ещё холоднее становится. Ты видел, Квасило, наш огонь. Он — как чёрная молния, он все крушит — горы и скалы, он деревья сжигает, а только не светит и не разгоняет темноту. Это огонь для нас, для пещерников. И когда мы вооружились, когда взяли тот огонь на кончики копий, Магава сказал:

— Вперёд, пещерники! Я поведу вас в долину, на новые земли. Мы спалим лес и жилища-пеньки. И там, где сейчас пуща и озёра, мы сделаем чёрную, обугленную скалу! И будет там ночь, и будут наши владения. А чтобы ни луна, ни звёзды нас не слепили, по сторонам долины мы поставим высокие горы, они заслонят всё небо! И будет там царство тьмы и пещер, и будет глухая чернейшая ночь — на веки вечные! За мной, страшили!

Мы забили в барабаны и уже выходили полками из пещер, но тут... Что тогда стряслось, я и до сих пор боюсь вспоминать. Дрожу!..

— Ну, скажи, скажи, Квасило, не бойся, я же около тебя сижу.

— Слушай. Только мы развернулись в пещерах, только крикнули «рах!», когда вдруг... Блеск-блеск над нами! Блеск-блеск слепящим огнём! Как он залетел под землю, как он проник в наше чёрное царство, где тишина и тьма?..

— Кто, ветер?

— Да ну, какой ветер! Злой предвестник нашей гибели — светлячок, вот кто прилетел! С того верхнего света, от солнца и леса к нам прокрался. И так спокойно, потихоньку запорхал в пещере над нами, над боевыми нашими полками, будто хотел разведать: кто мы такие, в каких безднах засели и какими ходами собираемся вылезать наверх, чтобы напасть на лес и на их жилища-пеньки.

— А может, он просто залетел? Просто из любопытства? — спросил Квасило. — Увидел пещеру и думает: дай посмотрю...

— Ага, просто залетел! А почему он, вражина, когда увидел нас, не метнулся назад, а знаешь, что сделал? Он порхнул прямо к Магаве. И как блеснёт над его головой! Нет, ты представь себе: в глухой пещерной темноте как блеснёт над сокрушителем — Магава никогда не видел такого света, глаза у него вмиг ослепли, он аж упал, задрожал весь со страха, а войско наше в гвалт: «Рах, рах!». Все мы кинулись кто куда, в пещеры, в норы, в пропасти.

«Стой, назад! — грянул на нас Магава и стал поворачивать войско. — Бейте! Бейте его камнями!»

Он первый кинул обломок скалы. И тогда все мы стали ломать камни и кидать в того наглеца, в зловещий огонёк. А он кружил над нами под потолком, блестел и слепил нам глаза. От града стрел и камней он кинулся прочь, только не к выходу, а наоборот, в глубину пещеры. И войско погналось за ним. Тысячи страшил — за одним светлячком. Загудела, загремела гора! Загрохотали камни! И кто-то всё-таки попал — упал белый огонь, упал на землю, затрепетал крылышками. Тогда храбрейшие воины налетели на него, стали затаптывать ногами.

— Ну да, это вы умеете, — засопел Квасило. — Вы и наше болото, и камыш мой с жабами... лапами своими топтали...

— Цыц, Квасило! Не дразни, не перебивай меня, ведь ты не знаешь самого страшного. Слушай! Светлячок был не один. За ним прилетел другой, видно, его побратим. Он был ещё нахальнее! Он порхал прямо над нами, сверкал нам огнём в глаза, и убегал, и заманивал нас дальше, аж в гроты Слепого нетопыря. А там холод страшный и кости валяются! «О, пещерники! — крикнул Магава. — Разве вы не видите: наши враги, злые и коварные, нарочно, наверное, завели нас сюда, в глубокие пещеры. Они хотят, чтобы мы заблудились, заплутались в катакомбах и не нашли дороги назад. Не бывать этому!»

Мы крикнули «рах!», навалились скопом и убили светлячка. И повернули назад. Две недели блуждали, злые и голодные, в тёмных пещерах, пока не вышли сюда, к Щербатым горам. И тогда сказал Магава:

«Я спалю не только Щербатые горы, а и весь лес, всю долину — с грибами, с птицами, с лесными человечками. И сделаю чёрную скалу до самого океана — для наших великих парадов. Рах! За мною, пещерники!»

И мы повалили из каменных нор и тьмой, боевыми полками вышли в долину. А ты спрашиваешь, Квасило, почему мы тут и какой нас чёрт, мол, привёл сюда, к этим поганым озёрам.

— Так-то оно, так, — почесал затылок Квасило. — Только я не пойму: ну хорошо — ломаем мы лбами лес, а зачем нам этот толстенький стоус, которого принесли наши разбойники в мешке?

— А ты что, не слышал? Ох темнота! У того стоуса в глубоких погребках, чтобы ты знал, спрятана тьма-тьмущая живых светлячков. Он, наверное, тогда и послал своих тайных разведчиков в наше подземное царство, в пещеры, чтобы узнать, кто мы такие и куда войной идём. А Магава теперь потрясёт усатого, поспрашивает его хорошенько, а потом поджарит на пещерном огне.

Стражники снова зевнули, почесали затылки. И удобно улеглись на землю, прислонившись один к другому головой. Видно, они бы ещё долго говорили, много страшных и неожиданных тайн открыли, но вот...

Словно гром среди тишины, вдруг прозвучало:

— Чхи! Чхи! — и пыль поднялась из ямы.

Стражники так и подскочили.

— Гляди! Он! Усатый, наверное, проснулся! Отпустило его зелье!

— О! Скребётся в мешке, шевелится! Слышишь!

Более опытный стражник, которого друг называл Дрыгайлом, оглянулся и зашептал напарнику на ухо:

— Лезь, Квасило, да развяжи его. А то ещё скажет нашему сокрушителю, что держали его в мешке связанного, — не оберёшься беды. Магава, он такой: или чтобы приказ выполнил, или голову с плеч!

Квасило одним глазом глянул в яму, где, как ему казалось, стояла бездонная тьма, и сказал:

— Давай лучше вдвоём. Ты первый, Дрыгайло, а я за тобой.

— Нет, давай — ты первый, тогда я за тобой.

— Давай вместе, брат. Вот так, на пузе, поехали. Бух! Гуп!

С разгону они упали на бедного Сиза, который лежал в мешке скорчившись. «А чтобы вам гнилая колода, а вашей маме тыква!» — пробормотал Сиз, ведь ему ещё одну шишку посадили на лбу.

Мешок развязали, и вояка посмелее, пещерный, грозно предупредил Сиза:

— Ты лежи в мешке, слышишь? Лежи тихо, пока мы не вылезем из ямы. Если что, мы сразу копыя наставим!

Они торопливо поползли, толкаясь и стягивая один другого в яму. Заскользили коленями по влажной пещерной стене и только уже там, наверху, окликнули:

— А теперь вылазь!

Одним словом, освободили Сиза. И вовремя. Потому что скоро прогремели под землёй голоса — от сторожа к сторожу, всё ближе и ближе:

— Рах! Рах! Пленника, усамого деда — к ногам сокрушителя!

Сиз окружили с всех сторон и повели под мечами. Наконец-то своими глазами он мог осмотреться, где он, куда попал.

Вели его тёмной каменной пещерой. Двоих стражников, Квасилу и Дрыгайлу, почему-то оставили около ямы, теперь охрану и конвоирование взяли на себя пещерные воины — те же мохнатые здоровилы, которые гонялись за Сизом и Чубликом в лесу. Это были грозные и бесстрашные воины. В медвежьих плащах-накидках, толстолапые, с суровыми бородами лицами.

Сиз шёл между ними, посасывая пустую трубку. Он заметил, как за ним, под высоким потолком пещеры, пролетает невидимая тень — его добрая сердечная кукушка.

Долго тянулись тёмные катакомбы. И вот вступили они в первый грот, и Сиз увидел картину, от которой у него даже волосы встали дыбом: казалось, тут недавно произошло побоище — на полу, на каменных плитах вповалку, впритык лежали немолодые уже бородатые воины и отчаянно храпели. «Это болотные приبلуды-наёмники, они среди воинства — самые худшие», — услышал Сиз над ухом птичий голос. «Ого! — подумал Сиз. — Ничего себе худшие. Медведя кулаком свалят!»

Маленькая кукушкина тень летела под потолком, никто её не замечал, кроме Сиза. А его вели уже другим гротом, ещё больше первого. И тут картина повального сна и храпения. Воинство храпело так, аж дрожали стены каменного подземелья. «Это пещерные кулачные бойцы, им больше всего доверяет Магава», — послышался птичий голос над Сизовым ухом.

Теснее обступили пещерные воины Сиза и повели его в третий грот. Это был огромный подземный зал, потолок которого терялся где-то высоко в темноте. И если там, где спали воины, слышался оглушительный храп, то тут царила абсолютная тишина. И ещё... Вот он, тот чёрный огонь, про который говорили стражники. Вправду, это было поразительное зрелище, от которого содрогнулся Сиз: посреди зала, на камне, полыхал красной полосой

огонь, огонь такой, как от хороших дров. А вот пламя!.. Оно вздымалось вверх двумя чёрными крыльями, и если смотреть на огонь, на пламя, то на глазах вырастал из огня хищный чёрный ворон, взмахивал, развевал крыльями, и от огня несло не теплом, а морозным холодом. И тут же заметил Сиз: около чёрного огня сидел какой-то маленький сгорбленный старичок. Весь он зарос, опутался чёрной бородой. Казалось, сидела на земле сама борода, и сквозь неё, сквозь пряди густой бороды холодным блеском глядели на огонь маленькие глаза. Старичок шептал что-то таинственное и растирал пепел на каменной плитке. «Это он и есть, их главный колдун», — снова тихо прозвучал птичий голос. Минули и третий зал. И тут сверху, словно из самих каменных сводов, загремело:

— Склоните головы! Входите к его могучести, сокрушительно скал и повелительно подземных громов!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Сиз перед лицом Магавы Первого. Белый конь. Слезы старого Лапони. Нужно спастись!

Сиза привели в самую глухую пещеру, в угрюмый, словно задымлённый, дворец. И только Сиз ступил за порог... Он и не заметил, как один маленький колдун, что стоял за каменными дверями, тихонько хлопнул в ладоши. И во дворце, который был вырублен в чёрной подземной скале, вдруг полыхнул свет — какой-то странный свет. Для пещерного воинства всё тут оставалось таким, как было, всё тонуло в глухой подземной темноте. А Сизу казалось, что с каменных стен лился будто бы ночной, сизоватый, сумрачный свет. Правда, от него, как от едкого дыма, почему-то слезились глаза.

Сиз немного поморгал, протёр глаза и увидел: под стеной, в роскошном кресле, сидел могучий витязь в дорогой царской одежде, расшитой шёлком и драгоценными камнями. Одной рукой он опирался на копьё, другой — на львиную спинку подлокотника. Рядом с ним стоял, закусив удила, белый, с пышной гривой конь, а ещё выше, на каменном карнизе пещеры, сидела и хищно смотрела вниз — кто бы вы думали? — уже знакомая нам птица Куа.

(Сиз только глянул в её кровавые зрачки и сразу отвернулся.) Сиза толкнули в спину, негромко понуждая:

— Падай, падай на колени!..

Сиз стоял. Он только сильнее прикусил трубку. Могучий витязь легко махнул рукой и повелел:

— Не надо, мы позволяем. Пусть пленник подойдёт ближе к нам и станет возле нашего кресла. Мы умеем радушно обходиться даже с врагами, с теми, кто хотел нам сотворить зло. Подведите его сюда, пусть станет по правую руку.

Сиза ткнули в спину и поставили как раз рядом с белым конём, длинная расчёсанная грива которого спускалась Сизу на голову.

Сиз поморщился: ему стало почему-то ужасно холодно, прямо морозило спину. Он повёл глазом по полу и — о диво! Вот так фокус! Из-под расшитой накидки витязя выглядывали... толстые лапы с острыми когтями. И усмешка витязя... Он так мило и ласково глядел на Сиза, позволял себе даже улыбаться, а только за его усмешкой проглядывало что-то тёмное, спрятанное, будто два острых клыка. И Сиз сразу вспомнил разговоры стражников про то, как умеют пещерные колдуны зачаровывать и превращать своих воинов во что угодно, даже в таракана, в дерево, в каменную колоду.

«Интересно, а конь? Настоящий он или тоже перевертыш? Неплохо было б проверить». Сиз вытащил изо рта трубку и острым чубуком (у себя за спиной) раз, а потом ещё раз тихонько ткнул коня под бок. И вот!.. Из-под белой гривы быстро выскользнула тяжёлая лапа и стукнула Сиза по голове. «Я тебе дам, я тебе ткну, головастик! Стой смирно перед его светлостью!» Эти слова, кажется, никто и не произнёс, но Сиз их хорошо услышал.

М-да, тут нужно быть внимательным! Куда не ткни — всё в перевернутом обличье!

Подземный витязь мигнул коню и повёл очень тонкую речь:

— Скажите ему, что мы знаем про его злые и тёмные намерения. Он хотел разведать «почему?». Он (и не сам, а ещё с другим карликом, который сегодня же будет пойман и приведён сюда) осмелился ступить за речку, в наши земли. Но мои храбрые разведчики

следили за ними от самого озера, а потом глухими дебрями сопровождали их и в лесу. Даже тогда, когда они вдвоём начали колдовать и выплясывать воинственный танец коршуна: «Оп-ля-ля!». Также, они хотели тайно проникнуть в наш боевой лагерь и разведать, кто мы такие. Так я понял их?

Конь-перевертыш мотнул головой:

— Так, ваша сокрушительская светлость!

— Ну что ж, сейчас мы покажем, кто мы такие.

Витязь хлопнул в ладоши:

— Лук и стрелы мне, рах-рах!

В пещерном зале, где перед тем словно бы лился сизовато-белый свет, сразу начало смеркаться, всё окуталось тяжкой грозной мглой.

Два воина подали Магаве лук и стрелы. (Сиз сразу догадался, что белый витязь и есть великий Магава). Бородатый старичок-колдун внёс каменную чашу, в которой кипело густое и чёрное варево, похожее на смолу.

Взмах рукой — и перед Магавою во всю высоченную стену выросло могучее дерево с дуплом, с красными райскими яблоками, с порхающими мотыльками над зелёными листьями. Казалось, дерево тут же и росло, только Сиз его раньше не замечал.

Магава макнул стрелу в чашу. В глазах его полыхнуло злорадное торжество, когда он проносил над головой Сиза чёрный шипящий огонь, который плясал на кончике стрелы.

Натянул лук. Не пролетела, а мелькнула стрела, впилась в дерево. И тут — раскат грома, загрохотал огонь, задымил ядовитым гадом, пожирая всё нутро яблони, ветки и даже листья. За миг дерево стояло мёртвое, не дерево, а чёрный скелет из праха, обтянутый потрескавшейся корой.

Один из воинов выступил вперёд и взмахнул мечом — яблоня посыпалась на землю, словно она была вылеплена из пепла. Так падали деревья и в лесу, но только сейчас Сиз увидел, от чего, от какого огня гибнут деревья.

Гордо усмехнулся Магава, и в его усмешке ещё больше блеснули кончики клыков. Он глянул сверху на Сиза:

— Одного пучка стрел нам хватит сполна, чтобы спалить все ваши пни-домики, все — с ветряками, с дынями, с лодками и светлячками. И мы спалим их, если вы таите в сердце враждебные и коварные намерения. Но мы, пещерные воины, мы не носим мести на кончиках копий. Мы можем подарить вам жизнь. Только с одним условием: ты, недостойный пленник, что хотел разведать «почему?» (и посылал к нам своих тайных шпионов-светлячков), ты вернешься в поселение и приведешь всех ваших стоусов и триусов сюда, за так называемую Кабанью речку, к скале. Я хочу сам, через своего брата, — он кивнул на коня-перевертыша, — говорить с вашим лесным народом и при вашей согласии и доброй воле предложить вам мирное соседство и провести границы по угодьям. Вам будут озеро и дома, а нам — долина, и лес, и та земля, что за долиной и за лесом, аж до Дивонских гор. Мудро я говорю?

Конь мотнул головой:

— Рах! Рах! Мудро, ваша сокрушительская светлость!

Магава снова обратился к Сизу:

— Скажи своим землякам: я жду вас завтра ровно в полночь, когда луна повиснет над пущей. Передай своим: нас, пещерных воинов, несчётная сила, нас тьма, тысяча и ещё миллион. Полками выходим мы наверх, мы появляемся где угодно, через норы и ущелья, где только есть горы и скалы. Также передай своим: если вы только шевельнёте пальцем против нас, если не придёте в долину, мы сразу же...

Он ещё раз натянул лук и выпустил стрелу — прямо в стену каменной пещеры. И снова — чёрная вспышка, грохот взрыва, забушевало пламя, охватило огнём всю стену; раскалённые камни треснули, обвалились, и Сиз увидел: за этим обвалом, в чёрной стене открылись высокие ворота, и десять или двадцать отрядов копьеносцев широким шагом вступили в зал.

Кто знает почему, от гари или от тьмы копьеносцев, в зале сразу потемнело, да и всё вокруг поблекло, изменилось, полиняло на глазах: Магава сразу стал зловеще-серым, а конь его — бурым и мохнатым, как старый медведь.

Такая же тяжёлая мгла и тишина повисла и над Сизом.

— Мне надо подумать, — сказал Сиз.

Он полез в карман, вытащил кисет и хотел было закурить (а трубку он всегда разжигал светлячком). Но только нащупал гнилушку, как Магава вдруг отшатнулся, конь его тяжело фыркнул и в пещере прокатился голос:

— Назад! Не нужно! Спрячьте!

«Хм, чего это они? — удивился Сиз. И тут же мелькнула догадка — Ага, светлячка моего, злодеи, испугались!»

Три копьеносца быстро подступили к Сизу, чтобы немедленно отвести в яму. И они бы его повели, но вдруг у всех над головами резко и пронзительно крикнула птица:

— Кр-р-р! Куа!..

Магава вздрогнул, хищно понюхал воздух:

— Дух, дух, дух!.. Тут был ещё один чужой дух! Чужой, злодейский дух — чуете?!

Не шевеля бровями, Сиз глянул одним глазом вверх и заметил: в горьком чаду, под потолком тревожно промелькнула и спряталась тень его верной доброй кукушки.

Конь замотал головой, зафыркал, засопел ноздрями. А Магава тяжело топал ногами:

— Кто тут был ещё? Кто? Облазьте, обнюхайте, обшарьте все углы!

Воины стукнули копьями и быстро увели Сиза. В последнее мгновение Сиз повернулся и не узнал огромной пещеры: она стала узкая и чёрная, а в кресле сидел закутанный в чёрный плащ худой взбешенный воин-ворон (из-под плаща выглядывали его ноги с когтями-шпорами), а над ним стоял весь окутанный дымом вороной, как ночь, дикий конь-тарпан.

«Дурман! Обморочили! — удивлялся Сиз. — Тут всё ненастоящее, всё превращается, всё меняет свой облик!»

Сиза кинули не в яму, а в тёмную боковую нору.

Тут ему было лучше: видно, что делалось в ближних подземельях. Напротив его норы открывалась тёмная пещера, вся прокуренная дымом, как кузня. На дне её два пещерных страшили разводили огонь. А кто-то маленький, седой сидел под стеной в углу и плакал, горько всхлипывая.

Сиз вытянул шею, присмотрелся — да так и замер. Ведь в углу сидел... седой и глуховатый дед Лапоня. Как, когда, каким образом он попал под землю? Поймали его, притащили силой? И что с ним сделают?

Дед сидел, распутывал на коленях своё немудрёное рыбацкое хозяйство — лески, крючки, поплавки. Распутывал и плакал. А пещерные приبلуды раздували огонь, гоготали и бахвалились: сейчас мы будем, дед, поджаривать тебе пятки!

Сиз XII поднялся на цыпочки, не верилось ему: неужели они издеваются над глухим, беспомощным дедом?

Лапоня плакал, рукавом утирал безутешные старческие слёзы и распутывал, а может, ещё больше запутывал клубок ниток и лески с крючками. Видно, это распутывание было для

него сейчас важнейшим делом, словно на этих нитках, на этой леске держалась все его жизнь. Пещерники гоготали и обжигали концы жердей, чтобы потом заострить их. Со смехом они уже примеривались, показывали, как будут целиться в деда.

Забилась кукушка над Сизовой головой, и ещё сильнее заметались мысли в его голове: как помочь себе и Лапоне? Что делать? Хоть криком кричи! Но это же пещера, кто знает на какой глубине под землёй!

Тут послышались шаги, гулкие голоса. Те же два стражника, Квасило и Дрыгайло, снова прикатали немалые каменюки, загородили вход в нору и улеглись.

— Ну что, брат Квасило, ты слышал, как наш Магава напугал этого маленького усача?

— Да слышал. И я сам хорошенько испугался, когда Магава бухнул стрелой прямо в стену, над моей головой...

— А слышал, как наш сокрушитель хитро и тонко обвёл его вокруг пальца? Сказал, приведи свой народ сюда, в долину, будем владения делить.

— А зачем все это? Я слушал, слушал — и хоть тресни — не пойму.

— Как? Ты не понял? Вот темнота! Да он хочет выманить лесных человечков к скалам, подальше от озёр и от домов, и тут на ровном месте их всех передуть. Разобьёт их, спалит дома дотла, а потом воздвигнет горы, и будет тут царство тьмы и полный порядок: гуляй в пещерной темноте и души себе живых птенцов!

«Ага, вот оно что! Вы пришли к нам крушить и жечь землю! — подумал Сиз. — Ах он чума, ваш сокрушитель! Ах он змей пещерный! А ещё молот мне про наши злые и коварные намерения. И про то, что я тайно посылал своих светляков в ваше разбойничье логово! Вот где брехня и коварство — свет такого не видел!»

Сиз встал, немного отодвинул камень. «Ну, теперь я буду действовать! Где мой огонь?» — он вытащил кисет, а из кисета — дупляную гнилушку, которую всегда носил при себе. В чёрной подземной темноте гнилушка вспыхнула, как живой весёлый огонь. На дорогу для удачи Сиз разжёл трубку (и в тот же миг испугано захлопала крыльями кукушка, порхая под потолком, ведь она знала, что сейчас произойдёт в пещерах)...

Сиз просунулся между двумя валунами (хорошо, что сторожа приставили их только по бокам). Глянул: Квасило и Дрыгайло мирненько лежали, сложив головы один другому на плечи, и храпели. Потихоньку, осторожно Сиз просунул огонь и ткнул им под самые пики. Мамочки мои! Как они подскочили, как вытаращили глаза, какой страх застыл на их перекошенных мордах! Сиз и не думал, что блеск огня — живого, белого огня! — так ошеломит их, свяжет язык и они вытаращатся, отступая назад, не в силах выдавить из себя ни звука.

А Сиз наступал, наступал на них, светил им огнём в глаза. Они, немые от страха, отходили, отступали в темноту в глубину узкой пещеры. Сиз не спускал с них света, а сам тем часом бочком, бочком, подкрадывался ближе к Лапоне.

Два пещерных страшили, которые стояли спиной к нему, уже заострили свои жердины и теперь прицеливались, весело подталкивали один другого, мол, кто первый кинет в старого.

Но первым успел Сиз. Он затряс старого Лапону за плечо:

— Дедушка, быстрее за мной! Бежим!

— А? — глуховато отозвался дед.

— Бегом! Из пещер! За мной!

— Что говорите? — переспросил дед.

Он взялся за свои инструменты, даже мотнул недовольно головой: мол, нет, не мешайте

мне, тут так запуталось!.. Мутненькие слёзы блестели на его старческих глазах.

Может, деду дали какого-нибудь забудь-зелья, ведь он Сиза не узнал. И Сиз сердито подхватил его на руки, крикнул в самое ухо: — Бегите! Слышите?.. Вас тут погубят!

Схватил и потянул его за собой.

Побежали какой-то глухой пещерой, вниз, куда-то в глубину. Сиз тянул старого за руку, а тот стонал, тряс бородой:

— Ой, задыхаюсь... не могу,пусти!

«Стой! — велел себе Сиз. — Куда же с ним бежать?» Пещера вела круто вниз, словно к вулкану. «В самый раз! Сбежали!.. Тут столько подземных ходов, что всю жизнь проплутаешь и на белый свет не выйдешь!» В запале Сиз и не заметил, что кукушка давно въётся перед ним, кружит, поворачивает крылом назад.

Ага, нужно бежать за ней! Она знает дорогу!

Повернули назад.

И тут гул, топот, тяжёлое сопение прокатилось под землёй. Бежали те двое с жердинами, и камни рассыпались у них под ногами. «Вот! — выругал себя Сиз. — Забыл их пугнуть огнём. Забыл в этой суматохе, забыл, старый растяпа! И если они окликнули, позвали за собой пещерников — всё! Пропали мы вдвоём, ещё и кукушка с нами!»

— Ну что, дед Лапоня, попрощаемся? Зашибут нас тут страхолюды!

— А? — прохрипел Лапоня. Он, видно, до сих пор не понял, где он и что с ним происходит.

— Вот сейчас будет нам а, будет и кочерга. Прячьтесь, дедушка, сюда, за этот каменистый пристенок...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Игра в пещерные жмурки. Куда пропал Лапоня? Куа нападает на беглецов. Ещё одна потеря

Они спрятались за высокий гранитный пристенок, а сверху покатились к ним камни, потом с грохотом и рёвом ворвались в тёмный закоулок два пещерных страшили; слышалось, что за ними шумят, бегут другие.

— Где они, где? — занюхали разом воздух.

Кинулись во все углы и вот — прямо на Сиза. Сиз докурил трубку, сказал: «Кхе, добрый табак!» — и живым огнём им всем под нос.

Снова — та же картина страха и панического отступления. С криком «рах!» и ещё раз — «рах! рах!» пещерные сыпанули наверх, а потом в боковые пещеры, только щебень да искры вылетали из-под лап.

Сиз подтолкнул Лапоню, и они побежали крутой подземной расщелиной, между завалами земли и камней, куда их вела кукушка. Крики, голоса катились по всем переходам и пещерам, вся огромная гора, изрытая норами до самых корней, как муравейник, забегала, зашевелилась, заходила ходуном. Теперь бегство Сиза и Лапони напоминало смертельную игру в жмурки. Они кидались в один туннель — и натыкались на страшил. Сиз отпугивал их огнём и бежал с Лапонею в другую сторону, глядь — вываливались из какой-то пещеры новые преследователи. Продирались узким лазом, бежали дальше от гула и топота — и снова натыкались на мечи. Пещерное воинство немного опомнилось, угрожающе ревело, кидало в них камни, а некоторые метали копья, скалывая стены пещер. Жмурки становились всё страшнее, ещё немного — и их убьют, не поможет и огонь. Наверное, это лучше всех понимала кукушка: она кидалась под потолок, вела их то вверх, то вниз (а все это происходило в темноте), и вот незадача — пропал Лапоня! Он, бедный, стонал, задыхался, бессмысленно тряс, крутил бородой — и вдруг исчез. Кто знает, может, его подбили камнем, может, прикололи копьём, а может, он упал, провалился в подземную яму. Сиз остановился и крикнул с волнением:

— Дедушка! Дедушка! Где вы?

Бесполезно. Глухая каменная гора, глухой на оба уха дед. Голос канул куда-то в темноту и пропал.

Ещё раз оглянувшись, ещё позвал Сиз, раздражённо подумал: «Ну, где он? Пропадёт же старый лунь!» А кукушка билась, звала Сиза — скорее, скорее, он обступают нас со всех сторон!

И Сиз кинулся за кукушкой.

Бежал он такими запутанными лабиринтами, то возвращался назад, то пролазил каменными глыбами, то перебегал карнизом над страшными провалами, что если бы не кукушка, его добрая проводница, никогда бы не выбрался он живой из этого пещерного царства. Раз пять его окружали, заваливали дорогу обломками скал, кидали копьями и оторвали ему добрую половину рубашки — всю полу аж до подмышки, но кукушка каждый раз находила какую-нибудь, хоть маленькую, хоть едва заметную щёлочку, выводила Сиза из опасности.

Гвалт, переключка, суматоха остались где-то глубоко внизу, а Сиз топал потихоньку вверх и вот увидел вдалеке какое-то серое мерцание. В пещере словно развиднелось, посветлело, стало видно мрачные, зазубренные очертания стен; ещё ниже, казалось, нависали

над ним тяжёлые каменные своды, и вдруг — вон, вон впереди! — заголубело круглое окошко, проём, выход из проклятых пещер! «Ага, сизая голубка! Живём! Выбираемся на вольный свет!» Сиз, оборванный, потрёпанный Сиз, хоть и был до невозможности уставший, хоть и сильно прихрамывал, ведь он разбил себе колено, а тут не сдержался, подкрутил усы и, если бы немного больше ему сил, так и прошёлся бы королевским шагом, как учил его Чублик: оп-ля-ля!

Выскочил из пещеры.

Небо, луна, звёзды — живой, родной мир раскинулся перед ним!

Одним взглядом Сиз охватил весь широкий простор, что лежал перед ним в обширной долине. Лес, глухая тёмная пуща, Кабанья речка, а далеко за ней — ночное мерцание озёр. Там дом!

Сиз отодвинул куст, который закрывал вход под землю, и кивнул кукушке: «Ну что ж, айда, сизенькая, полетели — напрямик, через лес!»

Только он сделал шаг, как над головой каркнуло:

— К-р-р! Куа-а!

Откуда она взялась? Как? Зловещая птица словно сидела тут над ухом и с хищным нетерпением ждала их. Сиз не успел и пригнуться, как она крикнула, кинулась сверху, захлопала крыльями. Вихрем пронеслась над самой головой, чуть не вогнав ему когти в тело. Сиз отшатнулся, а Куа рухнула камнем вниз, а потом вздыбила крылья стоймя и резко кинулась вверх. Снова расправила крылья и крикнула с неба.

А в этот час...

Кукушка, такой маленький напуганный комочек, как она билась, как кружила над Сизовой головой, будто заклинала, отгоняла собой грозную тень хищной птицы — прочь, прочь, исчезни, иди червям на поживу!

Но Куа летела, падала вниз. И тогда, как это было над домом, кукушка метнулась ей навстречу.

Они встретились над скалой, в небе, и тут началось.

Хищная сильная птица и маленькая кукушка, они вихрем замелькали в небе. Куа наседала, вскрикивала, растопыривала когти, она гнала кукушку к скале, к острому утёсу. Но в последний миг над скалой кукушка уворачивалась, а за ней — треск и злобный клёкот. Куа с размаху билась грудью в утёс, перья летели наземь, и капала кровь на камень. Куа ещё злее нападала на маленькую пташку, сбивала её ветром, доставала когтями, захлёстывала клёкотом.

Сиз видел с земли: беда! Изнемогает его защитница! Одно крыло сломано, и какой-то смертельное отчаяние в её последних движениях.

И тут когти настигли бедную птаху. С тихим писком-прощанием кукушка кинулась вниз, прямо на скалу, увлекая с собой и хищника. С тяжким свистом Куа ударилась об камень. И больше уже не дёрнула крылом.

Сиз знал: нужно уходить, бежать скорее с этого места.

А небо светлело, бледнело, луна катилась за гору, веяло из долины свежим утренним ветерком. И Сиз с тревогой подумал с: не успею! Скоро выйдет солнце и тогда... Кто знает, что тогда будет с ним.

Уже не вела его кукушка (и никогда не прилетит она, добрая бессонная его пташка, не будет куковать, будить его вечером). Бежал, ковылял с горы, постанывал (болело разбитое колено), зажмуривал глаза от страха, когда перескакивал над крутыми обрывами, снова падал и обдирал себе ноги, но не останавливался, хотел скорее достичь леса.

Гора наконец кончилась, и он сказал себе: «Ну ещё немного! А там — в кусты, под деревья!»

Он был такой уставший, что голова падала с плеч. Однако поднял глаза, глянул на далёкую равнину. Из-за синей полосы леса вставало солнце. Оно было слепяще-яркое и красное.

Заслонившись ладонью, Сиз побежал лесом, и что-то мелькало у него под ногами, потрескивало, он и не разбирал дороги, бежал наугад. Долго шумело ему над ухом, и он сначала не понимал, или это гудит всё тело от усталости, или что-то звенит в лесу. Прислушался. Кажется, плескала за корягами вода. Неужели речка? О, так вон же чёрные сожжённые сосны, а за ними — Кабанья речка!

У Сиза ещё хватило сил добраться до берега, и тут он упал на мох. Его свалила усталость, неодолимое сонное изнурение.

Вышло солнце, закурился туман между деревьями.

Сиз спал, а всё равно настороженным ухом слышал: кто-то барахтается, стонет в воде, выбирается на берег. Может, дикий кабан? Лось? Еле-еле разлепил веки.

Из воды лез на берег мокрый, весь оборванный дед Лапоня.

— Дедушка? Это вы? Откуда вы, как?!

Лапоня тоже заметил кого-то живого, протянул руки, хрипло взмолился:

— Сынок, помоги, вытащи...

Сиза он, видно, не узнал, да и вообще ничего не видел под слепящим солнцем. Опёрся на Сизово плечо, похромал, неуклюже полез на крутой берег.

Вылезли вдвоём на мох и, вконец обессиленные, упали.

— Дедушка, как вы тут очутились? Каким чудом?

— Ох, сынок, — прохрипел дед, — со мной такое было! Сидел я на берегу, распутывал сети на рыбу. Когда «рах!» — выскочили с кустов какие-то чудища, мешок мне на голову и понесли в пещеры. Гоняли меня там, гоняли, аж пока не упал я, не провалился в расщелину. Бултыхнулся — и по шею нырнул в речку! Да хорошо, что я старый и лёгкий, как сухая конопля, вода и понесла меня, понесла под каменными челюстями и уже туточки, за соснами, выкинула на свет.

В сонной голове Сиза мелькнуло: «Лапоня... Пещеры... Давно стоусы говорили, что Кабанья речка вправду вытекает из-под гор. Может, она и вынесла из пещер деда Лапоню, который упал тогда в подземное русло, в ручей». Воспоминание о страшных пещерах разбудило Сиза. Не хотел, да принудил себя поднять голову. Долго моргал, протирал невидящие на солнце глаза и вот разглядел: на той горе, где билась его кукушка с хищной птицей, вылетали один за другим из пещер косматые страшили в накидках. Трясли копьями и горланили в долину:

— Рах! Рах!..

Сейчас они кинутся обнюхивать землю, нападут на Сизов след и помчатся лесом — в погоню!

Надо было вставать, убегать, спасаться.

Но голова сама липла к мягкому мху. А изнуренный Лапоня беспробудно спал, свернувшись сивым клубочком. Сиз только подумал: «Где Вертутий, где Чублик, они бы не дали пропасть». Да ещё вспомнилось ему:

«Эх, если б сейчас чашку кофе, чтобы Мармусия своей рукой... Коро-хоро... два глоточка всего... Они бы сразу подняли на ноги, они бы влили такой живительной силы».

И пока он чмокал, сонный, облизывал губы, толпа здоровил уже катилась с горы, оглашая лес дикими криками.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мармусия с веслом на озере. Трое на челнах. Кто быстрее — те или она?

Мармусия приготовила две чашечки кофе и внесла в кабинет:

— Прошу вас, Сиз Двенадцатый. Сегодня пейте кофе с маленьким сюрпризом: я вам всыпала немножко молотых семян настурции. Попробуйте, аромат необычайно тонкий.

Глянула — Сиза в кресле не было. Не дымила, как всегда, его трубка, и голубые кольца дыма не вились над головой.

Мармусия холодно и удивлённо повела бровью. Она любила точность: именно сейчас Сиз XII выпивал две чашечки коро-хоро.

— Сиз, где вы? Кофе остывает.

Выглянула в коридор. Все двери в музейных залах были открыты, немо и отчуждённо горели в глубине одинокие фонарики и веяло из длинных тёмных галерей какой-то настороженной пустотой.

Мармусия нахмурилась. Её охватили недобрые предчувствия. Она быстро прошлась коридорами, заглянула в один зал, в другой.

Нигде ничего не было.

Только валялся на полу раздавленный кусок берёзового пенька-гнилушки. Почему на полу, почему он раздавлен? А это что? Она пригнулась и вот — ни что иное, как кто-то потоптался, кто-то оставил знаки — следы огромных подошв.

Мармусия заволновалась сильнее, хоть и умела (ведь так была воспитана смолоду) сдерживать свои чувства.

Накинула чёрный платок и, высокая, в длинном, строго пошитом платье, вышла из дома. А тут — новая находка. Лежал на земле разбитый фонарик, и кто-то притоптал мельничку. Не хотела, а оно само представилось ей: горелый лес, толпы диких бродяг, что шныряют, прячутся в тёмных чащах и подстерегают стоусов.

Взяла весло и пошла. С твёрдым намерением — позвать Вертутия, он чем-нибудь поможет.

Зацокали её каблучки на лестницах к озеру. Ночь была тёмная, туманная, однако Мармусия издалека заметила какую-то неуклюжую фигуру возле перил. Тонким обострённым обонянием (а душилась она лучшими духами из Юхландии) она почуяла: тот, кто стоит возле перил и понуро смотрит на озеро, пахнет нечёсанной шерстью и ещё чем-то горелым.

«Это он! Пещерный бродяга!» — догадалась Мармусия.

Но она была настолько воспитана, что не могла просто так подойти и сказать: «Прочь отсюда!» Нет, она гордо и холодно проронила: «Что вам нужно тут, непрошенный гость?» — и лишь после этих вежливых слов направила его веслом.

Понурый соглядатай сразу подпрыгнул выше перил.

«Ай, ай! Рах!» — зашёлся таким дурным криком, что ночь вздрогнула от его голоса, а он мелькнул, перевернулся в воздухе и так дунул под гору, аж пыль столбом за ним.

Мармусия вытерла платочком руки, быстренько окропила себя духами и сказала: «Фу, какой неряха! Видно, сто лет не умывался!» — и гордо пошла к озеру.

Подобрала платье, села в чёлн и с тем же гордым видом поплыла.

Луна рано села за гору, ночи стояли тихие, тусклые, и вода тёмным блеском мерцала в

заливчиках.

Поплыли камыши, кивая ей метёлками-султанами, тревожно квакнула жаба, крякнула испуганная утка. И тогда Мармусия услышала, как кто-то будто храпит над берегом, бежит, мнёт осоку, не отстаёт от челна. Вот оно, на берегу, стало в камышах, сверкнуло на воду двумя голодными огнями и тоскливо затянуло:

— Ову-ову-у, рах, рах!

«Гляди! Одного весла тебе мало, непрошенный гость!»

Остановила чёлн.

— Слушайте! — сказала негромко Мармусия. — не могли бы ли вы лучше уйти по-хорошему, чтобы я не душила себе руки ещё раз?

Она подняла весло.

Блеск весла напомнил наглецу что-то очень неприятное: в камышах айкнуло, как от раскалённого жала, и с треском погнало в густые заросли.

Мармусия взялась за весло и поплыла быстрее, но, даже за греблей, она не склоняла своей гордо выпрямленной спины.

Выгребала широкими и сильными движениями, смотрела вперёд, думала про Сиза, как думает мать про маленького ребёнка: «Как же он там? Без кофе, без подушки... и даже шарфик забыл?..»

Впереди засерела запруда, вздымаясь в небо крутым горбом. И кто-то шёл с запруды, гомонил, спускался к воде, слышалось два или три голоса. Один голос был ребячий, быстрый и весёлый, другой — очень солидный, густой, с добродушным рокотанием в горле. Нет, шли всё-таки двое: спускались к Нижнему озеру, несли на себе лодку. Вот они поставили долблёнку на песок, передохнули, и тогда солидный кивнул на озеро:

— Кхе-кхам... А глянь, Чублик, кто это подгребает к нам?

Теперь Мармусия узнала: Вертутий!

Вот как оно бывает: хорошее сердце само чует, когда кто-то из близких в беде. Мармусия плыла сюда, а Вертутий с Чубликом — к Мармусии, и вот они встретились на полдороге.

— Ну что там у вас? — спросил Вертутий. — Мне что-то так беспокойно и плохо было на душе, проснулся, ухо повернул к окну, слышу: э-э, даже мельницы совсем не теми голосами гудят. Кабы бы не гроза, думаю. И эти несуны не дают мне покоя: что они тащили берегом, куда бежали? Сели мы с Чубликом, поплыли к вам. А как вы там, что на вашей стороне, Мармусия?

Вертутию очень не понравилось то, что он услышал от Мармусии. Кто же это разбил фонарь, сломал его мельничку (и ещё какую мельничку — ту, что крутилась наоборот, против ветра!), а потом угрюмо топтался на тёмных лестницах, кого он высматривал?

Они побеседовали немного и договорились: ехать вместе к Варсаве.

Гребли теперь мужчины, ведь уже развиднелось, нужно было торопиться. Ночь расступалась широко, просыпались птицы, звёзды гасли и канули в неизвестности (или, как говорили стоусы: светает, вон петухи уже склевали всё золотое пшено на небе).

Они гребли и гребли без передышки; лес отступил, уже раскинулись перед ними широкие луга, где стелился над травами редкий туман, и тогда Чублик взмахнул рукой:

— А это что, смотрите!

На песке лежал перевёрнутый чёлн деда Лапони. Кто-то поломал и весло, и дедовы удочки; кто-то, видимо, ударил, надвое разбил об камень и его деревянное ведёрко.

Вертутий выпрыгнул на берег.

Э-э, да тут тоже какие-то следы, не иначе проходили страхолюды.

Чублик позвал деда, показал: нужно не к Варсаве, а быстрее плыть к Кабаньей речке, вон в ту сторону, куда ведут следы!

Мармусия подменила Чублика и гребла с такой силой, что сам Вертутий вспотел, лишь бы поспеть за ней. А впрочем, было отчего поторапливаться: эти наглые следы разбоя в домемузее и тут над озером! Разве такое можно терпеть — у себя дома, на своей земле! А ещё — рассвет, который вот-вот наступит, изнурённым сном смежит им глаза.

Круто развернулись, пропустили вперёд Вертутия и погнали долблёнки Кабаньей речкой, против напористого течения. Тут все напоминало Чублику про его недавние приключения: как они убегали с Сизом сквозь горелый лес, как спасались под водой, как напугали в челне того же деда Лапоню.

Хоть и очень спешили, но рассвет опередил их. Заголубело небо, светлее, просторнее стало в долине, багряные петухи взмахивали крыльями на востоке, разгоня оставшиеся пряди темноты. И вот из-за леса выкатилось большое, слепяще-яркое солнце.

Мармусия сразу накинула на лицо чёрный платок, стала неприступная, как мавританка. Чублик и Вертутий заслонились от солнца ладонями. Грести стало тяжело: сон, разморенность, усталость тяготили, страшной тяжестью навалились им на плечи и руки, и Чублик не замечал, как он, уже совсем сонный, склонился, клевал носом в колено. Он тут бы и заснул, но что-то — чужое и страшное — разбудило его.

Силой, просто насильно приоткрыл себе веки.

Вертутий и Мармусия ещё гребли (тяжело, вслепую, раз за разом тыкаясь лодками в берега), но вот и их что-то насторожило.

С горы, от Щербатых скал гулом, эхом катились в долину дикие переключки, рёв, топот. Чублик знал, что всё это означает: с таким шумом начинали погоню те лесные приبلуды.

— Это они! — сказал Чублик. — Те, что гонялись за нами!

Теперь все трое увидели: здоровилы в косматых плащах-накидках летели, прыгали через кусты, неслись долиной к Кабаньей речке. Видно, что-то их очень привлекало там, на берегу. Пещерники мчались наперегонки, чуть не разрывались.

— Туда! — сказал Вертутий.

Он сел за весло, а Мармусия тут же вытащила из-под платка какой-то маленький узелок, и на её ладони вспыхнули ярко-красные ягоды.

— Быстро! Пожуйте немного! — она тыкала каждому в рот этим мягким пучком. — Это ягоды нашего лесного лимонника, они отгоняют прочь сон и возвращают силы.

Чублик, ещё сонный, вяло пожевал губами, и вдруг — гляди! Кислый, терпкий сок будто разлился по всему телу, глаза у него раскрылись, в мыслях и в целом мире ему сразу посветлело.

— Давайте я погребу!

Он теперь видел: кто-то лежал на берегу головой в кусте и спал себе беззаботно, ни про какие беды, наверное, не ведая. Нет, даже не один лежал, а двое, и к ним мчалась сверху толпа здоровил, грозя дубинами и копьями.

Здоровилы заметили одну, а потом и другую лодку, заревели сильнее и кинулись наперегонки, чтобы загородить дорогу к сонным. Началась страшная гонка — кто быстрее! У Чублика аж потемнело в глазах, он стал во весь рост, грёб и грёб веслом, грёб ошалело и беспamięтно, сухой огонь жёг ему руки и лицо, а тут рёв и треск, который приближался, а тут

крик Вертутия:

— Сынок, давай! Давай, сынок! Кхем!

Наверное, рёв и стремительный топот разбудили одного из тех, кто спал над речкой. Он в сладкой дремоте поднял голову, невидяще уставился в небо. Кто б не узнал теперь нашего доброго знакомого — белые усы серпом и трубка, которая свисала аж до груди!

— Деду, это же Сиз! Это наш Сиз, деду! — закричал и в слезах засмеялся Чублик.

— Давай, сынок! Давай, в пень и в колоду их! — стиснул зубы Вертутий.

Они гребли изо всех сил, долблёнки аж подпрыгивали на воде, но видно было: здоровилы обгонят их, опередят, первыми доберутся до тех, до двоих сонных.

И тогда произошло что-то необычное.

На полном ходу Мармусия — молниеносно! — перемахнула из челна на берег. Это был удивительный прыжок, таким прыжком мог бы всю жизнь гордиться её отчаянный рыцарь-тарзанник Чуй-Голован. Мармусия не только перелетела в воздухе на крутой берег, махнув над водой чёрным платьем, а и успела выхватить у Чублика весло и крикнуть им:

— Берегом, берегом тяните челны! Спасайте тех двоих несчастных! А я тут поговорю с ними!

Вышла немного вперёд и стала на лугу.

Закутанная в тёмное платье, с платком на глазах, она сурово и высоко подняла над собой весло.

Чублику казалось: ватага здоровил сейчас налетит на неё, сотрёт, затопчет, а потом — стадом буйволов — ринется к речке. Гвалт, рёв неслись лугом и хищной стеной прямо на неё. Впереди мчался страшный здоровила, косматая накидка на нём топорщилась, как шерсть на рассерженном тигре. Кто знает, может, это был тот самый приبلуда, которого она уже огрела веслом около своего двора. Он нёсся на неё прямо грудью, ещё немного — и сбил бы с ног. Но вот совсем рядом с ней айкнул (может, от блеска весла), свернул с разгона вбок, даже землю вихрем поднял, и, словно сорванное колесо, помчался косыми прыжками-зигзагами всё дальше и дальше под гору. За ним все воины-приблуды повторили тот же дикарский прыжок перед Мармусией: айкнув, они отскакивали прочь и мчались разъярённым стадом след в след за первым здоровилой.

Видно, так у них было издавна заведено: повторять всё, что делает старший, даже если бы тот, первый, прыгнул в огонь или в пропасть. Правда, один громила вырвался из хищного круга, близко, почти вплотную добежав до Мармусии.

— Фу! — сказала Мармусия. — И от тебя горелым пахнет! Иди причешишь, бесстыдник!

Она треснула его веслом между ушей. Он айкнул не так, как все, а в полный голос. Да и прыгнул он, как ужаленный, выше Мармусии и со всех лап пустился догонять своих.

Пока Мармусия угощала одного, а за ним ещё двоих здоровил, а потом надушенным платочком вытирала руки и брезгливо морщилась: «Фу, фу, какие неряхи!» — Вертутий и Чублик не медлили ни мгновения: они перетаскивали в чёлн Сиза, положили его в сено, затем понесли на руках бесчувственного деда Лапоню.

Забрали Мармусию и скорее поплыли.

Речка быстро несла их вниз к озеру, гнала и кидала лодки на узких перекатах, но пещерники быстро опомнились. Одни повернули и лесом помчались к стоусовским жилищам, сбивая на пути деревья. А другие обозлённой чередой кинулись по-над берегом за челнами. Они бежали, хекали, звенели шпорами, пускали копья и стрелы, и Мармусии не раз доводилось показывать им золотое сосновое весло, блеск которого сразу отпугивал весь

дикий табун.

Стоусы плыли но всё с большей и большей тревогой поглядывали на далёкий лес: там, над озером, где их селение, вставали и закручивались в небо пепельно-чёрные дымы.

— У нас что-то горит в посёлке! — прошептал до крайности поражённый Чублик; губы у него запеклись от жажды, от всего пережитого за сегодня.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Следы разбоя над озером. Другой совет у Варсавы. Мудрое и поучительное слово профессора. Сиз: «Надо готовить кручу!»

Лесная речка вынесла долблёнки в озеро, а над озёрными плесами ещё сильнее тянуло дымом и гарью. Издалека доносились возгласы, беспорядочные перекрикивания, чужие голоса.

Вертутий нахмурился, велел быстрее грести к Сизову подворью; ему казалось, что именно там творится что-то плохое.

Густой дым, и вправду, вился над Сизовым домом. Тяжёлую тёмную тучу несло над чистой водой, и светлая вода затягивалась сизой плёнкой пепла, падающего с неба.

Тем временем...

Сиз плыл себе на дне челна, как в колыбели. Та вот всем существом, и слухом, и кончиками усов почувствовал, что близко его домик и что там, в родных стенах, корчится и шипит от огня живое дерево и кора.

Сиз проснулся, тревожно спросил: «Где моя трубка?». Трубка торчала у него в зубах. (Потому и спросил про неё шепеляво, одной половинкой рта). Поднялся, встал в челне на ноги и ещё с прикрытыми глазами, словно через порог дома, ступил с челна прямо в воду. Хорошо, что они подплыли к берегу. В каком-то ослеплении, отмелью Сиз побрёл через воду на берег, за ним прыгнула Мармусия, и они вдвоём, все быстрее и тревожнее, зашагали лестницами к дому.

У Сиза так и сверкнуло перед глазами: «Светлячки... светлячки... музей... величайшая, ценнейшая в мире коллекция!»

Но чудо: дом стоял целый. Он только немного пожух, сверху кое-где взялся сизоватыми клочками гари.

Сиз машинально, без всякой мысли ткнул в стену чубуком. И дом рухнул.

Весь сразу осел на землю — с сухим шелестом. А из пепла, как ночное привидение, встало облачко дыма и долго стояло, заглядывая стоусам в глаза. И они, остолбенев, тоже глядели на облачко, на её змеящиеся косы, словно ждали от него ещё какого-то явления. Молча стояли Сиз, Вертутий, Чублик, Мармусия. Им всем запорошило щёки этим сухим прахом.

Облачко осело — и стало видно обгорелый вход под землю. Тёмную яму, присыпанную свежим пеплом.

Хорошо, что спальня и музей у Сиза были спрятаны на глубине, под крутым песчаным берегом.

Стрела с чёрным огнём какого-то бродяги угодила в дом, и старый кленовый пенёк выгорел весь дотла, до самого глубокого корневища в песке. Но спальню и подземные галереи огонь не достал — задымлённые, потрескавшиеся у входа, они всё-таки остались целы.

«Где они взялись на нашу голову? — думал про мохнатых страшилищ Чублик. — Мы так хорошо жили себе над нашими озёрами. Дядька Хвороща сажал на огороде свои дыни, дядька Сиз выращивал светлячков, а мой дед собирался сделать такую мельницу, чтобы она крутилась в полной тишине, без малейшего ветерка. И вот они набежали на нас, эти дикие, эти страшные приبلуды. Что им нужно тут?.. Наверное, у тех пещерных приبلуд так заведено: где сила, они обходят, где видят, что одолеют, — туда всей ордой. Но разве мы

слабее их?»

Сиз, Вертутий, Мармусия глядели на сгоревший дом, на тучку-змею, которая присела и спряталась в груди пепла, и беспокойные мысли сновали на их встревоженных лицах.

Мармусия первая опомнилась и решительно сказала:

— К вам, Вертутий! Как бы и там, у вас, не походили эти болотные лапищи!

Давно такого не было на озёрах: день стоял в разгаре, с неба палило яркое солнце, а две кучки стоусов и триусов, вместо того чтобы отсыпаться в прохладных домах, как им назначено самой природой, махали вёслами, надрывались, гнали лодки к Верхнему озеру.

Острый, ослепительный отблеск воды, гребля, песчаный берег Вертутия...

То, что они увидели на серых песчаных холмиках, нельзя передать словами.

Мельницы были поломаны, разбиты вдребезги, втоптаны в песок; видно, для смеха какой-то громила посбивал самые певучие ветряки, а на палках поразвешивал старые Вертутиевы башмаки, куски глины, решёта, горшки... песок было истоптан. И перекопан, лишь затенённые каналы с водой и высокую песчаную крепость, тоже окружённую поясом воды, дикая орда обошла.

Кто-кто, а Сиз XII снова себе заметил в мыслях: бояться, смертельно бояться пещерные чужаки даже лужицы...

Не стоит говорить, как посерел, сгорбился Вертутий, когда ходил разорённым своим царством, среди развалин умолкших ветряков, где раньше он так блаженствовал. Он грозно откашливался и что-то тихо бормотал: «Кхем!.. В пень и колоду, это им так не пройдёт!»

За Вертутием ходила Мармусия и гневно возмущалась:

— Фу, фу! Какой дух они вам оставили тут! Ах, нечёсанные! Ах, немытые дикари! Давайте, Вертутий, я вас немного покроплю своими духами.

— Не надо, — хмуро отказался Вертутий. — Оставьте. Мы их покроем, тех разбойников.

Совсем другую картину застали они у Хворощи.

Весёлый, неугомонный Хвороща именно угощал — кого бы вы думали — одного из мохнатых страшил. Как он его поймал, не могу сказать. А только хорошо обмотал верёвкой, привязал сидя к дереву — тут же, на бахче. И прикатил целую гору дынь. И сейчас угощал, прямо в рот напихал ему сочной мякоти.

— Ешь, ешь, вражий гостюшка, угощайся! Ничего, не стони, не отворачивайся, курносый ты мой, послушай лучше меня: чрево не древо, раздастся. Вот мы тебе сладкой, вкусной, слоновой дыньки. Будешь знать, как с огнём врываться на бахчу!..

Пещерник сопел и мычал со страха, до ушей залепленный дыней, бестолково крутил головой. Глаза у него лезли на лоб. А светлый медовый сок капал с языка и струйками бежал на мохнатое пузо. Вертутий не стал смотреть на эту застольную муку. Ножом разрубил туго затянутую верёвку, отпустил Хворощиного гостя, дав ему доброго пинка на дорогу. Освобождённый разбойник с дыней в зубах так припустил с бахчи, что, кажется, не бежал по земле, а прямо летел в воздухе.

Поговорили и остановились на мысли Сиза — ехать к Варсаве, там всем вместе посоветоваться.

Видно, у Варсавы уже собрались и ещё кто-то должен прийти, ведь под берёзой стояла деревянная табличка с надписью: «Добро пожаловать, заходите в мой дом!»

«Он просто молодец, — подумал про Варсаву Сиз, спускаясь в знаменитые подземные катакомбы профессора. — Мы все устали, мы напрочь разморились от солнца и, если ещё посидеть там наверху... А тут, в подземном уюте, да ещё таком, как у профессора, хоть немного отдохнёшь».

Мармусию пропустили вперёд — крутыми лестницами вниз, а потом зашли Хвороща, Вертутий, Чублик и Сиз.

Не ошиблись: у Варсава сидели почти все стоусы и триусы, взрослые и маленькие, не говоря уже про его учеников-лунаристов. Беда — она собирает людей вместе.

Тут, очевидно, долго уже шли серьёзные разговоры. И когда Сиз прошёл между рядами к стене и сел на мягкий диванчик, он сразу расстегнул воротник, блаженно вздохнул и сказал: «Ну вот и всё — как дома!» Вправду, в этом роскошном подземелье (профессор называл его — «Лунарный зал») все напоминало Сизу родной музей: на стенах горели светлячки, его светлячки, которых он, кажется, подарил профессору на день рождения. Огромный купол зала терялся в темноте, где-то над головой, а внизу, как раз посередине, отливало чистой сине-голубой водой небольшое подземное озеро. На озере был островок, к нему с берега вёл деревянный мостик. Профессор Варсава в своей белой мантии, босой проходил скрипучим мостиком на тот островок, садился на лавку под высоким орехом (а живой грецкий орех рос на этом же острове) и отсюда начинал свои знаменитые поучения, обращённые к разуму и сердцу стоусов-отроков, то есть, проще говоря, начинал занятия с лунаристами.

Сейчас всё было, как на тех подземных уроках. Немного замкнутый, таинственный Варсава сидел на своём островке (а ещё он любил, чтобы около него горел небольшой тихий костерок), на стенах сияли лесные светлячки, в зале стояла тишина, было прохладно и сумрачно, только сидели перед профессором не отроки-лунаристы, а всё население Длинных озёр.

Велось трудное совещание: как защитить себя от нападения пещерников?

Из новоприбывших первым выскочил опять-таки Хвороща. Он стал около висячего мостика — в той же папуасской повязке, с большим перцем за ухом. (Под мышкой он для чего-то прятал толстую дыню). Поднял руку, повернулся к острову, то есть к профессору Варсава, который внимательно всех слушал, кутаясь в белую мантию и задумчиво разглядывая свои босые ноги.

— Уважаемое собрание! — выкрикнул Хвороща. — Что я предлагаю при этой недоброй напасти? Когда нападает на нас враг, не дразните, не злите его, лучше угостите от чистого сердца. Ведь враг станет ещё большим вашим врагом, а если вы возьмете самую сладкую дыню и вот так, как я сегодня, прямо в рот вражьему гостю...

Хвороща, наверное, резковато повернулся, потому что дыня выскользнула из-под мышки и с мокрым шлепком упала наземь, разбилась в кучу жёлтой размазни.

— Вот и весь твой совет! Лопнул! — буркнул сердито Вертутий.

— Нет, сыночки мои, нет! — поднялся после Хворощи дед Лапоня. Он, наверное, вовсе не слышал, про что тут ведётся разговор; он что-то своё имел в мыслях, очень волновался (и «сыночки» говорил, как «шиночки»). — Тут, я вам скажу, совсем не в том закавыка, не в том, шиночки. Как перед судом признаюсь, послушайте: тяжко я нагрешил в жизни. Очень тяжко. Я ловил рыбу, большую и маленькую, ел её с косточками... А оно с воды и подглядывало за мной, подглядывало, а потом мокрый мешок мне на голову и в пещеры...

Все терпеливо слушали Лапоню, хоть и малому было видно: не туда катит воз дед.

Профессор Варсава подал знак — пусть скажут своё слово Сиз и Чублик, они видели разбойников вблизи, они спасались от них.

Встали Сиз и Чублик, вместе подошли к мостику.

Теперь Варсава — сквозь три пары очков — глядел на них с острова, а они с берега — на Варсава, на его спокойный негаснущий костёр под орехом.

Сиз и Чублик начали с того, как они королевским шагом шли через лес, и как над головой у них с громом и гулом блеснул чёрный огонь, и как закрипело всем больным нутром погибшее дерево.

Тут профессор (при слове «чёрный огонь») снял первую пару очков и для чего-то протёр их.

Дальше шла повествование про то, как они спасались под водой и как ватага пещерников бежала сушей по-над берегом, а к речке боялась подступиться. (Профессор снял вторую пару очков и сказал: «Ага!») Ну и наконец Сиз поведал про свои не очень весёлые приключения в подземных катакомбах и про то, как он пугал разбойников живым огнём своего светлячка. Тут профессор хлопнул себя по колену, снял третьи очки и громко сказал: «Ага! Я так и думал!»

Профессор быстро встал, накинул белую мантию и тихим, но звучным голосом обратился к лесному народу, ко всем стоусам и триусам, которые в глубоком молчании сидели перед ним на той стороне озера.

— Почему так ведётся в лесу, почему так бывает на зелёных лугах? — начал говорить Варсава. — Гляньте внимательным глазом: одуванчик порождает сто пушинок, в каждой головке по сто пушинок, и посылает их большими тучами за ветром. Белый тополь порождает тысячи пушинок, в каждом пучке тысяча тысяч пушинок, и посылает их ещё большей тучей за ветром. А настаёт весна, и на лугу — из белой пуховой метели! — вырастает только один одуванчик и только один или два-три тополя. Почему так густо плодит осенью, сверх меры и густо, и почему весной всходит так мало, разумно мало, чтобы каждый стебель обильно овеялся ветром? Почему так бывает на лугу, почему так ведётся в лесу? Гляньте внимательным глазом!

Варсава дунул на белую головку одуванчика, пух взлетел над ним густым облаком и маленькими парашютиками понёсся, заколыхался над его островком. И тут молчащие стоусы и триусы увидели: разлетаясь, пух поворачивал к костру, будто его тянуло туда силой и притягивало в горячие языки пламени. А всё облачко полетело, поплыло дальше к озеру и устелило белыми пушинками воду, где их тут же выловила какая-то мелкая подземная рыба. И лише совсем немного парашютиков, наверное, с самыми ценными зёрнышками, не полетели далеко, а сели тут же на островке, чтобы взойти весной, если будет им влажно и тепло, новыми ярко-жёлтыми цветами.

— О чём нам говорит извечная мать-одуванчик? — обратился к молчащему обществу Варсава. — Она говорит нам: всё, что расплодится сверх меры, все чрезмерное в лесу и на зелёном лугу гибнет или в глубокой воде, — он показал на озеро, — или на суше, — он показал на утопанную дорожку, — или в чистом огне.

— Мудро! — выкрикнул Сиз. — Мудро вы сказали, учитель! (Сиз, как вы знаете, немного ревниво относился к профессору, не забывал его так или иначе легонько подколоть, а то и высмеять при случае. Но сейчас... Не тот был случай, да и взволновал его Варсава своими мудрыми словами.) — Я понял вас, учитель! И вот что я придумал: кручу! Кручу для врагов! И окружение из живого огня! После вечернего звона пусть все приходят к озеру! Все, все собираемся вместе, всем лесным народом!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Стоусы и триусы готовят кручу. Сиз и Чублик в засаде. Парадный выход Магавы. Картина жестокой казни

Долго, тревожно звучал над лесом вечерний звон. Солнце село в багряные тучи, и сразу упала на землю тяжёлая темнота. То тут, то там поскрипывали двери, стоусы и триусы просыпались, брали с собой лопаты и ломики и, как было условлено, толпами тянулись к озеру. Гудел, сзывал звон, а к Сизу уже не залетала в дом кукушка, не чистила клюв, не любовалась его белыми пышными усами, не куковала ему двенадцать раз. Сиз вскочил сам, нащупал трубку. Мармусия уже стояла около него с чашечкой кофе, тёплый ароматный запах разносился по всей комнате. Когда Сиз выпил кофе, Мармусия подала ему кашне, холодно и решительно сказала:

— Как хотите, Сиз, но я не отпущу вас одного. Я пойду с вами. Да, да, не обижайтесь, я вам скажу больше. Вы мне напоминаете знаете кого? Вы напоминаете маленького беспомощного ребёнка. Вы сами не знаете, куда вас понесут ноги. Вы идёте к озеру, но вот в лесу, в темноте, вы видите таинственный огонёк и поворачиваете вдруг туда и летите на свет, на эту приманку, как беззаботный мотылёк. Хоть знаете, что можете обжечь себе крылья. Сколько раз вы обещали мне, что будете осторожны? И сколько раз вы тонули, падали с круч, были на волосок от смерти?.. То-то же! Как хотите, а я беру лопату и иду с вами!

Сиз буркнул, хотел возразить, что заступ — не для её женских рук, однако Мармусия холодно стиснула губы и на глазах Сиза с решительным вызовом натянула большие парусиновые рукавицы, взяла лопату и опёрлась на неё, застыла в выразительной позе: вот! Не Мармусия, а настоящий землекоп!

Сиз только кашлянул и трубкой почесал затылок. Знал: сестру не повернёшь, когда она что-то взяла себе в голову!

Вышли вместе на улицу.

За порогом Сиз пустил кольцами дым и глянул на небо: пасмурно. Тёмная будет ночь, тёмная и душная, и как бы эти тучи не принесли дождь с грозой.

«Кхе!» — сказал Сиз и позвал Мармусию, чтобы помогла ему нагрести сухих листьев папоротника. Там, где стоял их дом, теперь зиял круглый туннель — вход под землю. Они вдвоём нагребли кучу листьев и хорошенько закрыли туннель, замаскировали его от непрошенных гостей из леса. И вдвоём пошли по-над озером, Мармусия впереди, а за ней Сиз.

Тяжёлая душная ночь висела над землёй. Лес словно подступил к самому берегу, весь заполненный тишиной и хмурой мглой. Молчало небо, и где-то внизу еле-еле поблескивало озеро.

Прошли песчаные холмы и увидели: над озером собралось полно лесного народа, кто с лопатами, кто с заступами, а кто прикатил и тачки. Народ глухо гомонил и толпился, а в темноте казалось — шевелится муравейник.

Расступились и пропустили Сиза в середину. Цепким глазом Сиз оглядел берег: именно такое место, какое нужно! Из леса вела сюда большая прогалина-луговина, трава тут стелилась ровной скатертью до самого озера, и только над водой берег круто обрывался вниз.

Правда, стена кручи была неширокая, с двух сторон обваленная и суженная так, что можно было на пологих обвалах и спусках легко съехать к воде. Вот Сиз и придумал: выровнять стену, засадить её на краю кустами, чтобы если кто выскочит из леса, то не видел, где оканчивается земля и где падает она под ногами глубоченным обрывом.

Словом, закипела работа.

Чублик сразу кинулся к тачке, а дед Вертутий выравнивал кручу, обрушивал землю, и, когда тележка наполнялась, Чублик с весёлым присвистом отвозил землю прочь и сваливал её в яму. Мармусия... О, нужно было видеть, как работала среди толпы Мармусия! Деликатно, с гордой неторопливостью ставила она туфельку на лопату, притопывала ногой и словно не землю — пригоршню золота набирала на штык и ссыпала с кручи. Все это она делала, как на торжественном балу-маскараде. Никто бы не подумал сейчас, что Мармусия, когда нужно, той же лопатой может в лучшем виде огреть по загривку мохнатого чужака из леса. Сиз — тот таскал зелёные кусты барбариса, ему помогал глухой Лапоня. А ещё околачивался около них, весело встречал в беседу, всем показывал и всех поучал неугомонный Хвороща. Он говорил, что надо сюда не кусты, а связку дынь-бочек, вот они, вражьи гостюшки, и слетятся тогда из леса, как вороны на заячьи потроха.

Работа кипела, а хмари надвигались, надвигались из пущи, чёрной поволокой закрывали небо. И что-то гроыхало под тучами. Стоусы и триусы думали, что это гром. Но нет, погроыхивало, выбивало в бубен где-то сбоку, около Щербатых скал. Какой-то шум, какие-то глухие удары, скрежет, трескотня нарастали, от скал передвигались к лесу.

Все бросили работу и напряжённо прислушивались.

— Слышите? Как в трубу гудит...

— Может, там похороны?

— Да нет, это те самые, из пещер...

В толпе переговаривались, и сперва никто и не заметил, что Сиза около них уже нет. Его повело. Да, да, Сиза повели ноги! Он приложил руку к уху, вслушался в гул из темноты, а ноги сами переступали, нащупывали тропинку и быстрее, быстрее шагали — туда, на гул из ночи.

Первой огляделась Мармусия.

— Сизе, вы что? Вы куда? А наш разговор!

Сиз вдруг встал, сам удивился, что ноги так далеко занесли его от людей.

Мармусия кинула лопату на плечо, в один миг очутилась около брата. Чублик тоже взял заступ, как оружие, и вырос на тропке третьим.

Сиз только развёл руками: что с вами делать, а?

Усмехнулся, потискал за плечи доброго и славного Чублика, а Мармусии сказал:

— Мы пойдём вдвоём, с Чубликом. у него очень счастливые ноги в дороге. А тебя прошу — стереги музей. Они, эти пещерники, страх как боятся твоего весла. Сбереги, послушай меня, Мармусия, наших светлячков! Без них, — Сиз отвернулся, словно выбирая слова, и тихо договорил: — Без них мне и жизнь немила, ты знаешь...

Весь народ остался над озером доделывать кручу, а двое пошли, пошуршали тропинкой, перебрались через луг, где, словно чёрная вода, стояла темнота поздней ночи, и углубились в лес.

Никогда, кажется, не было так мрачно в лесу, как сейчас. Хвоя, пасмурное небо, густая чаща. Только зоркие глаза стоусов могли в этой непроглядной тьме находить зарубки на деревьях и выбирать дорогу. Чублик тихо ступал за Сизом и озирался: ветра не было, душно и сыро под густой кроной, просто лес не молчал. То что-то треснет, то прошелестит в листве,

а то вдруг где-то за спиной, позади их...

— О, слышите? Кто-то будто идёт за нами следом!

— Может, это страшили?

Сиз стал, показав Чублику пальцем:

— Т-с-с!..

Вот оно... где-то сзади. Словно крался за ними какой-то осторожный ночной зверь.

Они шли дальше, а этот шелест и звуки настойчиво сопровождали их. В какой-то момент Сизу показалось: повеяло, донесло из темноты знакомым ароматом. Тонко-тонко запахло ранней фиалкой. Так могли пахнуть лишь любимые духи Мармусии, но ведь Мармусия уже, видно, вернулась домой и стерегла его скарб.

Шли знакомыми тропками, через выгоревший лес, через мостик-колоду на Кабаньей речке, через заболоченную низину. И крадущийся треск сопровождал их, один раз даже послышалось за деревьями глуховатое покашливание. Кто крался за ними?

Может, тайный разведчик пещерников? Но скоро Сиз и Чублик забыли про те звуки. Чем дальше пробирались они за речку, тем сильнее стучало и гремело где-то там возле скал.

Сиз осторожно, тихо прокрался густым ивняком. Залегли они перед широкой поляной и совсем близко увидели что-то поразительное.

Из пещер выходили полчища в шкурах-накидках. Впереди грозно выступал сам Магава Первый в чёрном шлеме и кольчуге. За ним вели вороного коня... Но нет, коня не вели! То привиделось в темноте. Два копьеносца несли над Магавой конскую голову, а маленький дедок-колдун нёс чёрную метлу, махал ей, как длинным хвостом или гривой. За сокрушителем выходили из пещер полки, одни в облике кулачных бойцов, с большими каменюками, шестоперами в руках.

Полчища развернулись, стали полумесяцем на поляне... Магава в окружении колдуна и двоих копьеносцев, которые несли над ним конскую голову, грозно оглядел полки и выступил в середину. Загремели шкуры буйволов, натянутые на тугие обручи. Сокрушитель гор произнёс короткую речь. Он сказал, что два стражника нарушили закон пещер: заснули на посту и выпустили на волю одного, а потом и другого пленника-врага. За это они будут казнены насмерть — чёрным огнём. Рах, рах!

Снова загремели шкуры буйволов, на поляну вытолкнули двоих несчастных. Сиз их сразу узнал: это были те стражники, которые стерегли его в пещерах, — Квасило и Дрыгаило. Бедолаги даже не отпирались, ведь перед тем им хорошо подпалили пятки. Вот два воины-здоровилы камнем забили в землю колья, привязали к ним болотного и пещерного. Двое несчастных стояли обречённо, опутив головы. Магава натянул свой лук.

— Гляди, что он делает! Я свистну, — прошептал Чублик.

Но первой свистнула в воздухе одна, за нею вторая стрела. Сверкнул среди ночи чёрный огонь, пламя глухим рёвом пронизало оба тела. Ни Сиз, ни Чублик не успели и опомниться, как вместо болотного и пещерного на поляне стояли уже два обгорелых чёрных столба.

— Мой огонь оставляет окаменелое облик и выжигает всё нутро, — холодно и злорадно вымолвил Магава, пронзая хищным взглядом своё воинство. — А теперь мы пойдём на лес. Я спалю его дотла, спалю мох и землю, выпущу камень из глубин, и завтра тут, на ровном, не будь я сокрушителем, встанут горы с пещерами. Но сейчас мы пойдём дальше, на Длинные озёра, чёрным огнём я смету все дома стоусов.

Полки развернулись и тяжёлым шагом прошли поляной, почти перед самым носом

Чублика и Сиза, которые лежали в кустах замерев. Боевыми порядками воинство двигалось вниз к речке; чёрная тьма, тучи низко плыли над ними. И вот слышалось: бух! Гу-гу!.. Треск и скрип веток... Пещерники сжигали на своём пути первые деревья.

Ещё проходили перед Сизом последние отряды пещерников, а он беспокойно заворочался, заохал: ну как их задержать? Кого послать в посёлок к Вертутию?

— Я пойду! — раздался за их спинами женский голос.

Сиз и Чублик лежали, будто прибитые к земле. Не верили — Мармусия! Как, откуда она взялась? Если бы упала с неба, и то меньше они удивились бы!

Мармусия вышла из темноты, брезгливо поморщилась:

— Фу, фу! Каким духом они вас обдымили! — вытащила носовой платочек и помахала перед собой, как лёгким веером.

Только теперь Чублик понял, кто крался за ними лесом, от кого так тонко — тонко пахло духами.

Сиз и удивился этому неожиданному появлению, и обрадовался.

— Мармусия, беда ты моя, возвращайся скорее лесом, лети как птица — прямыми стёжками, передай сразу Вертутию — пусть готовит огни, а мы выведем Магаву на кручу.

Мармусия неслышно исчезла в темноте. А внизу, у речки, гудели и трещали деревья — пещерники проламывали себе дорогу. Там, где они проходили, выгорал мох, из-под земли вправду выступали сухие и потрескавшиеся скалы.

Чублик и Сиз крались стороной, среди чёрных камней, и одна мысль беспокоила Сиза: успеет ли Мармусия?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Таинственные приготовления стоусов и триусов. Гул и чёрные молнии катятся к озеру. Где Чублик?

Из темноты один за другим выходили стоусы. Они тихо переговаривались.

— Тут, — глухо говорил Вертутий. — Кхе!

Старые и малые подходили и в бочку, над которой стоял нахмуренный Вертутий, макали пучки мочала, клочья тряпок, насаженные на обструганные палочки. От бочки сильно пахло нагретой смолой, и Вертутий поторапливал тех, что подходили, коротко кидал им:

Вон там залегайте, во рвах. С двух сторон луговины...

А Мармусия каждому вручала огонёк-светлячок, и стоусы осторожно несли их в ладонях; видно было, как эти огоньки легонько, словно угольки, вспыхивали среди темноты. Стоусы и триусы выныривали и выныривали из ночи, погружали свои пучки в смолу, прятали в ладонях светлячков, а в лесу творилось что-то ужасное.

Трещали и гудели деревья, раз за разом вспыхивали чёрные молнии, такая дикая сила проридалась сквозь чащу, всё уничтожала на своём пути. Полки пещерников были уже близко, они выходили к озеру, и Мармусия кидалась от одной кучки людей к другой, всем объясняла, где залечь, где притаиться, что делать с огоньками-искорками, морщила нос и говорила: «Фу, фу, как несёт из леса!»

Она последней подошла к бочке, макнула весло, на конце которого висела привязанная длинная конопляная кудель, и снова исчезла в темноте.

Вертутий покатил бочку на ту сторону луговины, поставил около неё стражу — профессора Варсаву с двумя лунаристами.

— Спокойно, спокойно лежите, — говорила Мармусия. — Мы их хорошо угостим.

Но разве усидишь спокойно в засаде, когда на тебя, на твоё живое и тёплое тело катится что-то дикое и беспощадное! Рёв, воинственные возгласы уже пробивали последнюю стену леса и гулом вываливались на широкий луг. И вот стоусы и триусы, которые залегли с двух сторон поляны-низины, увидели невероятную картину.

Летело полчище, а впереди бежали растрёпанные Сиз и Чублик. За ними двумя, юнаком и усатым, гнался огромный отряд, Магава с всей своё свитой, с лучниками и копьеносцами. Ёвэлт, хищный восторг, Магава грозно прикрикивал:

— Живыми! Живыми! Живыми ловите их!

И пещерные вояки, видимо, чтобы сбить, Сиза и Чублика с ног, кидали вслед им камни и палки. Как загнанные тарпаны, Сиз и Чублик уже целый час метались по лесу, отвлекали, заводили в чащи полчища пещерников, чтобы только Мармусия успела, чтобы только тут приготовили огни. Теперь пещерная армия валила за ними лугом, мчалась прямо на кручу.

Сиз бежал окровавленный, ему поранили плечо. Чублик задыхался, мчался наугад, не видел перед собой дороги. За ним, подняв над головой здоровенную колоду, по пятам бежал мохнатый воин-страшила и кричал: «Рах! Рах!»

Стон, возглас страха прокатился во рву среди притаившихся стоусов и триусов. Их бы воля, все кинулись бы спасать Чублика, а бедолага промчался перед ними, обливаясь потом.

Но, наверное, именно так и задумал Сиз: он оторвал Магаву от остального войска, он заманивал его к озеру, на кручу. И сокрушитель, чрезвычайно захваченный погоней, рвался

вперёд с своими приспешниками, конская голова тряслась перед ним, а маленький черноволосый старичок-колдун катился у них под ногами, подпрыгивал, как старый замшелый пенёк.

С шумом и гвалтом проскочили они ров, где залегли стоусы и триусы. На Мармусию повеяло нечёсанной шерстью, крутым пещерным запахом.

И тогда в темноте прокричала сова. Мармусия встала и скомандовала:

— Жажигайте огни! Отсекайте их от полчища!

Среди ночи вспыхнули вдруг десятки, сотни ярких огоньков. Вспыхнули с обеих сторон луга. С тряпками, пучками соломы, с куделями, смоченными в смоле, с факелами, которые горели и рассыпали наземь багряные искры, кинулись стоусы и триусы наперерез, навстречу друг другу. Отсюда вела ополчение Мармусия, а с той стороны Вертутий.

Нет, долго ещё не забудут стоусы крика и гвалта той ночи!

Магава с жожаками вихрем промчался до кручи. И вот за спиной у него, отсекая армию, вырвались из темноты живые, горячие, белые огни, каких больше всего страшатся пещерники. Две длинные цепи огней сомкнулись сзади. Это стоусы и триусы с отчаянным, ликующим криком соединили ряды, сбежались, огненным полукругом окружили пещерников, прижали их к озеру.

Великий бессмертный Магава, сокрушитель гор, затоптался на месте. Он теперь пятился, он вылупил глаза; наверное, не в силах был понять: как, откуда взялась эта облава, это скопище огней? Все его жожаки отступали, отходили до кручи, а самые храбрые не сдавались — кидали копьями и стрелами в строй тех огней, что приближались к ним. Тесной, столпившейся кучкой пещерники и Магава отступали, отступали до самого края, вот они за кустами, вот в воздухе их ноги, и вдруг — обрыв!

Слышно было, как с диким верещанием и гвалтом Магава и все предводители полетели с кручи в тёмную яму, в живые и бездонные глубины озера. Слышно было, как они глухо всплёскивали, кричали и тут же тонули, захлёбываясь, ведь живая и чистая вода принимала их, пещерных грабителей, словно обломки камня, — и сразу тянула их на дно. Если бы кто мог понять хлюпанье и вздохи волны, что билась в берег, то услышал бы: «Злая сила выпустила вас из-под земли, каменные прибуды, вот и идите себе в тёмную прорву».

Их уже затягивало илом.

А наверху бурлило страшное побоище.

Зажатые полки не остановились. Они рвались сквозь огненное окружение, они ещё надеялись спасти своего сокрушителя. Стрелы и копья тучей летели на стоусов. Мармусия кричала своим: «Факелами, факелами отгоняйте их!» — и сама носилась с веслом, на котором горел конопляный пучок. А тем временем профессор Варсава зажёл бочку со смолой, и два лунариста легонько столкнули её с пригорка. Бочка покатилась, запрыгала, полетела прямо в гущу пещерников, за ней неслось зарево искр и огня. «Рах! Рах!» — с гвалтом разбегалось войско; визг, паника, обожжённые воины кинулись во все стороны наутёк.

Вертутий с Мармусией перехватывали их, отгоняли от леса. Бегал тут и Хвороща, он тоже воинственно выкрикивал и тыкал под нос мохнатым свою жердь с тыквенной плетью. Опомнившись, помогал ополчению и Сиз; ему дали факел на длинной жердине, и он, как и все, махал жарким огнём, с которого капала смола, отпугивал пещерников, гнал их в три шеи, туда, в чащи леса.

— А где Чублик? — остановился Сиз.

В суматохе, в шуме побоища он потерял его.

— Где Чублик? Вы не видели Чублика? Где он? — пронеслось лугом, в рядах стоусов и

триусов.

Все оглядывались, искали глазами, с большей и большей тревогой переспрашивали один другого. А Чублика не было.

...В ту грозный миг, когда гнался за ним здоровила с тяжёлой дубиной в руках, Чублик добежал до кручи и над самым обрывом, над краем, сразу шмыгнул вбок. Упал в канаву. Слышал, как с всего разгона полетел и шлёпнулся в воду тот страховид с дубиной. А Чублик лежал и никак не мог отдышаться, утихомирить своё сердце, которое ошалело колотилось в груди. Может, именно потому, что он не метнулся сразу в толпу, в гущу сражения, он увидел то, чего никто сначала не заметил.

Пока стоусы бились на лугу, большой отряд пещерников, а с ними болотные наёмники, тайком, по-злодейски кинулись в темноту, к стоусовским жилищам. Вот они, на скаку натягивая луки, пустили стрелы с чёрным огнём — и вспыхнули крайние дома в поселении. Горел над озером трухлявый дом деда Лапони, горели берёзы и лавки перед школой-лунарием, горели челны-долблёнки...

— Что ж вы делаете? А ну прочь от наших домов! Прочь от школы! — закричал вслед им Чублик и сам, в одиночку, побежал перехватить разбойников.

Ему страшно было представить, что эти чудища влетают, врываются в подземную школу, в Лунарный зал, где всё для Чублика было свято и дорого — и озеро, и зелёный старичок-орех, и мостик на остров, и светлячки-фонарики, и голос мудрого Варсава, голос, который звучал, доносился, как казалось Чублику, из самих сводов подземелья... Чублик сказал: «Не пущу их!»

Да хоть бы взял маленький огонёк, который защищает стоусов от пещерников, а то ничего не взял, бежал с голыми руками, только подхватил на дороге дубовый колышек и с этим колышком, отчаянно растрёпанный, влетел в стаю пещерников и дубасил их колышком по спинам, по головам, по медвежьим пяткам. Пещерники отшатнулись, а потом вылупили глаза: один! Без огня! Сам лезет в лапы!

— Рах! Рах! — грянуло с одного боку. — Рах! Рах! — грянуло с другого.

Дружно, с гиком и сопением, страшили навалились на Чублика, а он вырывался, молотил их колышком, бил ногами. Но что мог сделать один против дикой стаи, против пещерников, которые почуяли живой запах и все, гурьбой, один поверх другого навалились на него!

Жаль, не было уже кукушки, не было защитницы. Она бы полетела к Сизу, к Вертутию, она своей напуганной тенью сказала бы им: «Вызволяйте Чублика! Беда, несчастье постигли его!»...От грозных полчищ не осталось и следа. С луга выгоняли последних, недопалённых прибуд. Уже гасли факелы, уже толпами сходились стоусы и триусы, утомлённо и весело перекликаясь. Подошёл Сиз, вытер вспотевший лоб и вдруг...

— Вертутий! А что это за куча топчется? Вон! Немного ниже школы-лунария?

— Ага, ага. Там, по-моему, бьются. Может, там Чублик?

И оттуда, от школы, послышался сдавленный, хриплый, полный тоски юный голос:

— Де-еда-а!!!

— Чублик, я сейчас! Держись! Держись, Чублик!

Вертутий, а за ним Сиз и ещё полсотни стоусов кинулись с огнями к школе. Они бежали над озером, под тяжёлыми тучами, и багряные отблески огней тревожно озаряли их лица. Выныривали, выныривали из темноты факелы, гневом и мщением пылали глаза стоусов, и пещерная стая, которая громила дома, не стала задерживаться над берегом — один за другим удирали разбойники в чащи, в лес, в глухую ночь, обозначая свою дорогу дымом и топотом

Тяжело добежал Вертутий, всем сердцем чувствуя недоброе. Вот тут оно было, быстрее, к развалинам... Опоздал! На сером песке, перерытом ногами, лежал погибший Чублик.

Вертутий, который никогда в жизни не плакал, упал на колени, уткнулся в грудь застывшего Чублика и глухо зарыдал...

Длинная хмурая процессия тянулась до кручи. Ночь догорала, густой смоляной дым, который стоял на поляне, на месте недавнего сражения, уплывал за ветром в долину. Чублика несли на связанных вместе вёслах. То тут, то там блуждали тени на тёмном лугу, кто-то подбирал затоптанные в сутолоке факелы, кто-то переносил бесчувственных и раненых на дорогу. Мармусия собрала молодых стоусовок и тихо передала: собирайте все, что есть, факелы, зажигайте их и передавайте вперёд.

Чублика сопровождали огнями до озера.

Вот подогнали челны. В первый сели Вертутий и Сиз, им осторожно передали тело Чублика. Долблёнка тихо, будто сама, покинула берег. За ней поплыли ещё десяток, ещё полсотни челнов; всё дальше и дальше растягивались они в чёрной мгле. И на тёмном хмуром озере закачались, протянулись в ночь две длинные цепочки огоньков на челнах, которые с берега казались маленькими лесными светлячками.

Похоронили Чублика на высоком холме, недалеко от уцелевших мельниц Вертутия.

Уже близился рассвет, но темнота ещё охватывала землю, и стоусы шли и шли при свете факелов, склонив головы. По давнему обычаю, взрослые и маленькие несли в шапках, в пригоршнях, в подолах, в узелках горсть-другую песка и высыпали на могилу. Понемногу росла, росла могила, на глазах становилась небольшим курганом.

На его вершине Вертутий поставил берестяной ветрячок, и когда все стоусы прошли, когда могила одна завиднелась на голом пустом берегу, ветрячок шевельнулся и затянул печальную журавлиную песню.

Сквозь тучи и туман пробивался на востоке мглистый рассвет, стоусы и триусы поспешили домой, с челнов им было видно: на всём песчаном берегу сереют два холмика — высокая могила и чья-то грузная ссутуленная фигура.

Это сидел Вертутий, смяв пятернёй лицо, и слушал, слушал грустную песню ветрячка. Тот крик: «Де-е-да-а!» — до сих пор пронизывал ему грудь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Последняя, которая подтверждает древнюю истину: всё идёт, всё проходит, а доброе кофе коро-хоро и светлячки остаются на земле

Пришли и ушли пещерники, сгинули, как гнилой хворост под весенней водой. После них остались только голые потрескавшиеся скалы на тех местах, где когда-то были грибные поляны. Стоусы и триусы снова собрались у профессора Варсавы на совет: что делать, как спрятать скалы, как закрыть чёрные камни мхом и лесом? Профессор, по своему обычаю, выступил в подземном лунарии с глубокомудрыми словами. На глазах земляков он взял сухую шишку, вытащил из неё полдесятка зёрнышек — таких плоскобоких, с красными хвостами-крылатками. Дунул на ладонь — и сосновые зёрна штопором полетели вниз, словно ввинчиваясь в землю, силой пробуравливая сухую твердь. «Вот так надо — живым буравом!» — закончил профессор. Одним словом, стоусы и триусы вышли вместе в лес и засеяли скалы горной сосной. Маленькие сосенки очень плохо приживались на голом камне, на утёсах. А отдельные пещерные разбойники, которые ещё блуждали тогда в болотных дебрях, выползали и украдкой, назло, вырывали деревца с корнями. Война эта длилась аж до грозы, до бурного ливня. Кто знает, или это сама буря, или, может, профессор Варсава так сделал с своими учениками: от удара молнии затряслись горы, и обвалом засыпало все выходы из пещер. С того дня диких разбойников больше не видели в этих краях.

А лес, озера и пуща — все жило своей извечной, своей недремлющей жизнью.

Заходило солнце, и снова звучал над миром торжественный вечерний звон:

Бом,

Бом,

Бом!

Сторож леса оповещал всех стоусов и триусов, что день закончился и что пора им просыпаться — их ждут большие и малые хлопоты.

Сиз блаженно потянулся, нежился в мягких подушках. Он позволил себе ещё подремать, ну одну только чуточку. Он и не заметил, как в его комнату, где в беспорядке лежали толстые учёные книги, влетел какой-то маленький комочек. Влетел, быстро промелькнул под потолком и сел на высокий комод.

— К-у-ку, кук! — и смолк.

Сиз раскрыл сонные глаза. Ты смотри — чудеса! На комод сидел — вы никогда не догадаетесь кто — серенький маленький кукушонок. Он два раза прокуковал, на большее у него не хватило голоса.

— Ах ты, мой голубь! — засмеялся Сиз и потянулся к трубке. — Это, видно, тебе сказала про меня старая и добрая моя кукушка. Правда? Ну что ж, давай знакомиться: я Сиз Двенадцатый, а ты кем будешь мой защитник, сыном или дочкой?

Сиз протянул руки — и на ладонь ему села маленькая пташка. Она, наверное, не очень давно вылетела из чужого гнезда: пёрышки на ней торчали короткие, а около клюва лежали два жёлтых кружочка. Весело и словно немного лукаво глянул кукушонок на хозяина: мол, а где ваши пухленькие пятки, которыми так часто хвалилась моя мать?

Сиз был не гордый. Сказал добродушно: «Кхе!» — и потянул на себя одеяло, показал малышу свои чистые, золотые до блеска пятки.

Засмеялся.

— Расти! — сказал весело. — Набирайся голоса! Как оперишься по-настоящему, серебряной росой прополощешь себе горлышко на лугах, тогда прилетай. Будешь куковать мне ровно двенадцать раз.

Кукушонок порхнул с ладони в окно, легко и незаметно, словно его и совсем тут не было. Сиз опустил ноги с кровати. Знал, что тёплые туфли, кашне, сорочку, подтяжки — всё ему приготовили заботливые руки Мармусии.

Закурил и, приговаривая: «Кхе! Добрый табак, чтоб его!» — с кольцами дыма в усах потопал на улицу.

Стал в дверях, глянул, что делается в мире.

И снова, как в старое доброе время, полная луна висела над лесом. Там, на лугах, грустно и мечтательно выводила песню стоусовка, так тихо и звонко было на земле, и звёзды, бесчисленные звёзды, словно пучки красной калины, глядели с неба!

А Сизов дом? О, теперь у Сиза был новый дом, ещё краше прежнего.

Его строили всем миром. Из крепкого свежего дерева, хорошо выструганный, он каждой дощечкой светился под луной — таким тёплым, золотым блеском, каким отливает струганая сосна и смолка. А на доме... Сиз глянул и взволновано подкрутил ус. На доме стояло не два, а три ветрячка. И все новые. Их принёс Вертутий. «Один пусть шумит тебе за меня, — сказал брат Вертутий, — другой за Чублика, а третий, назло всем другим нашим врагам, пусть крутится против ветра!»

Сиз попытлся трубкой и толкнул чубуком ветряки. Все трое весело завертелись: один мягко замурлыкал, как кот на солнцепёке, другой сухо, кленовым голосом тархтел, а третий шпарил крыльями против ветра. Словом, вели свою песню три ветрячка, ещё раз напоминали всем, что в краю Длинных озёр по-настоящему настала тёплая летняя ночь.

— Кхе! Хорошо пахнет сосной! — сказал Сиз и понюхал: из леса доносилась свежая, чистая прохлада, густо-густо настоящая на сосновой хвое.

Кое-кто уже и забыл, как два года тому назад тянуло из пуши тяжёлым дымом. Было, было такое, лучше не вспоминать! Стоусы, маленькие и взрослые, толпами ходили в лес, собирали грузди и опенки. Вот, бывало, разгребает кто-то хворостиной, разворошит груды листьев, ведь опенки очень любят прятаться под сухим дубовым листом, и вот — какая-то колода внизу, чёрная, обугленная...

Стоусы с немим страхом отходили прочь, искали чистых полей, но где-то снова натыкались на обугленную колоду, присыпанную листьями.

— Эх! — сказал Сиз, отгоняя недобрые воспоминания; такая благодать стоит под звёздами, а ему приходит на память чёрт знает что!

Уж лучше вспомнить, как он блуждал недавно за Кабаньей речкой, утомился, сел, усталый, в тени под деревом. Вытащил табак, кашлянул, оглянулся. Смотри, что-то очень знакомое место! Вот же! Вот тут они залегли тогда с Чубликом, притаились, а из пещер выходили полки, разворачивались...

Сиз выжег трубку и пошёл открывать ворота. Потом рукавом протёр медную табличку, подышал на неё, старинные буквы ещё сильнее засверкали, и луна тоже загляделась на красноречивое объявление:

ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ МУЗЕЙ СВЕТЛЯЧКОВ

**ДОКТОРА ТРУТОВЕДЕНИЯ И ЛИЧИНКОВЕДЕНИЯ
СИЗА XII СТОУСА.
ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ!
ОТКРЫТО ТОЛЬКО НОЧЬЮ.
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

А внизу было дописано: «Заходите только королевским шагом. Оп-ля-ля!». Сейчас он постоял в дверях, открыл подземный музей и тут услышал на лестницах чьи-то шаги. От озера шло двое: Вертутий и маленький, но очень степенный триусик лет семи-восьми. Ага! Это Вертутий вёл своего младшего внука. Но посмотрите: он как две капли воды был похож на Чублика! Такой же белоголовый, такой же сдержанный взгляд из-под бровей и такое же любопытство ко всему.

— Мармусия! — закричал в гостиную Сиз. — Открывайте все залы и галереи, мы встречаем самых дорогих гостей! И не забудьте поставить нам три чашечки кофе коро-хоро!

Перед тем как зайти в дом, Сиз ещё раз глянул на тёмный лес, и сердце у него аж стиснулось от радости: вот оно, началось! Весь лес, вся его мягкая, мохнатая, влажная темнота светилась, горела, переливалась сине-белыми, голубыми, зеленоватыми светлячками. Да, да, началась пора светлячков!

Сейчас в лесу куда не ступи — чудо! Каждая гнилушка, каждый корешок, хворостинка горит, шевелится, сияет в темноте.

Этой ночью обязательно туда — в лес! Осмотреть быстренько музей и все вместе, — Мармусия, Вертутий, внук его и Сиз, — поспешат в залитый сиянием лес.

Полные корзинки насобирают светлячков — для музея, для всех стоусов; пусть в каждом доме светит маленькое чудо ночи: живой тёплый огонёк, который расцветает в лесу только на добрую погоду и всем, кто поддержит его в руках, приносит счастье.

1977–1978 гг.